

На правах рукописи

Тишкин Алексей Алексеевич

**АЛТАЙ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ,
РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(культурно-хронологические концепции
и этнокультурная история)**

Специальность **07.00.06** – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Барнаул – 2006

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Кирюшин Юрий Федорович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Глушков Игорь Геннадьевич;

доктор исторических наук, профессор
Мартынов Анатолий Иванович;

доктор исторических наук, профессор
Чиндина Людмила Александровна

Ведущая организация: **Иркутский государственный
технический университет**

Защита состоится 10 ноября 2006 г. в 10 час. на заседании диссертационного совета ДМ 212.005.08 при Алтайском государственном университете по адресу: 659049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского государственного университета.

Автореферат разослан «___» октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Демчик

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение древней и средневековой истории Алтая в основном базируется на результатах археологических исследований, а также на немногочисленных и порой противоречивых письменных свидетельствах.

Актуальность темы. За последние полтора столетия накоплены материалы, позволяющие отразить не только основные этапы освоения рассматриваемого региона и сопредельных с ним территорий, но и представить дробные культурно-хронологические схемы для ряда эпох. Особенно важными становятся новые данные, которые позволяют наполнить конкретным содержанием слабоизученные периоды. В связи с этим работа по созданию и оформлению культурно-хронологической концепции развития народов Алтая в эпоху поздней древности и средневековья на основе комплексного исследования этногенетических процессов и всесторонней характеристики имеющихся данных является актуальной. Для реализации такой программы был аккумулирован опыт предшественников, что в определенной мере демонстрируется во всех главах диссертации. К настоящему времени благодаря исследованиям сотрудников Алтайского университета получен значительный по объему археологический материал, требующий систематизации, осмысления и обобщения. Данное обстоятельство предоставляет возможность для реализации новых культурно-хронологических построений и этнокультурных реконструкций на основе предыдущих положений. Это – объективный процесс, отражающий переход количественных накоплений в качественное оформление.

Цель работы – на основе археологических источников представить целостную культурно-хронологическую и этнокультурную концепцию истории населения Алтая и частично сопредельных территорий от раннескифского (конец IX в. до н.э.) до монгольского времени включительно (XIV в. н.э.).

Задачи исследования:

– продемонстрировать опыт создания периодизационных и культурно-хронологических схем в исторической и археологической науке для объективного уяснения сложившихся традиций и выяснения существующих проблем;

– разработать методические и методологические подходы для отражения поэтапного развития выделенных кочевых культур Алтая;

– обобщить накопленные материалы по скифской эпохе, «гунно-сарматскому» времени, раннему и развитому средневековью Алтая в соответствии с имеющимся корпусом источников;

– соотнести полученные результаты с ранее представленными культурно-хронологическими концепциями, а также с письменными данными по истории Евразии.

– реконструировать этнокультурные ситуации по выделенным периодам и этапам.

Объектом исследования является культура кочевого населения Алтая от раннескифского до монгольского времени.

Предмет исследования – археологические памятники Алтая, в которых отражены существенные и объективные показатели для культурно-хронологического деления и реконструкции этнокультурной истории разных народов.

Хронологические рамки работы охватывают довольно значительный отрезок времени: с IX в. до н.э. по XIV в. н.э. Соотношение выделенных этапов археологических культур с известными историческими событиями, зафиксированными в различных письменных источниках, позволяет представить исторические процессы, которые протекали на территории Алтая в указанное время. Используемые в названии диссертации обозначения эпох и периодов отражают обобщенные характеристики последовательных хронологических рамок евразийской истории, базирующихся на ставшей традиционной схеме – Древность, Средневековье, Новое и Новейшее время. В то же время в ходе изложения работы применялись некоторые производные термины из понятий классической схемы «трех веков» и культурно-хронологические определения, которые имеют традиционные соответствия.

Территориальные рамки работы и природно-ландшафтная характеристика регионов Алтая. Представленные характеристики районирования Алтая (Кирюшин, Тишкин, 1997), как отдельной историко-культурной области, дали возможность использовать имеющиеся обозначения в главах диссертации без дополнительных объяснений.

Граница Алтайских гор идет от низовьев Бии на запад в сторону г. Змеиногорска, а от него поворачивает на юго-запад в сторону Верхнего Иртыша (Камбалов, 1955). Она представлена и постепенными переходами, и резко выраженными уступами (Петров, 1952). Ширина предгорий небольшая. К Алтайским горам на юго-западе подходят отроги Тянь-Шаня, на западе – степи Казахстана, на северо-западе – Кулундинская степь, на севере – Предалтайская равнина, на северо-востоке – Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау, на востоке – Западный Саян и горные системы Тувы, на юге – Монгольский Алтай. В строении поверхности отмечены следующие закономерности: преобладание двух направлений в простирании хребтов; общее увеличение высот с северо-запада на юго-восток; асимметрия склонов; ступенчатость горной системы, выражающаяся в смене низкогорий среднегорьями, а затем высокогорьями. Эти орографические особенности определяют его тектонической структурой. Отмеченные закономерности позволили разделить Алтай на отдельные области – Южный, Восточный, Центральный, Северо-Западный и Северо-Восточный (Петкевич, 1971).

Расширенные долины встречаются по Катунь, Чуе, Урсулу и Чарышу. Значительная часть их использовалась с древности для выпаса скота. Не-

большие высокогорные степи (Теньгинская, Онгудайская, Уймонская, Катандинская, Канская, Абайская и др.) похожи по своим природным условиям на степи западных предгорий и являются прекрасными пастбищами.

Катунь – самая крупная река рассматриваемой территории. Она берет свое начало на южном склоне Катунского хребта у г. Белухи. Затем, огибая названный хребет, река почти описывает окружность, а от устья Аргута Катунь поворачивает на север, пересекая горную страну. Своим бассейном она охватывает огромную территорию. Участок от истоков до устья р. Коксу носит название Верхней Катунь. Территория между реками Кокса и Сумульта обозначена как Средняя Катунь (Камбалов, 1955). От Сумульты начинается участок Нижней Катунь.

Почвенный покров Алтая и предгорий находится в тесной зависимости от рельефа местности и подчинен законам вертикальной зональности. В связи с этим рассматриваемая территория разделена на три региона сообразно почвенной поясности и общим биоклиматическим особенностям: Северный, Центральный, Юго-Восточный Алтай (Почвы..., 1973). В пределах Центрального и части Северного Алтая отчетливо выражена климатическая контрастность северных и южных склонов, что для скотоводов является положительным фактором.

Лесные массивы занимают большую часть территории Алтая. Нижняя граница лесного покрова контактирует со степными участками, а верхняя – с высокогорным поясом, характеризующимся полным отсутствием деревьев и суровыми климатическими условиями. На высоте более 2000 м над уровнем моря раскинулись лучшие пастбища.

Животный мир Алтая многообразен благодаря географическому положению, сложной истории и разным природным зонам горной страны, каждой из которых присущ определенный состав фауны (Ирисов, 1971).

Рельеф и строение земной коры определили богатство и разнообразие полезных ископаемых. Сейчас установлено, что вся горная система может считаться рудной.

Основные характеристики современных природных условий изучаемых регионов Алтая помогают решать вопросы реконструкции хозяйственной деятельности, образа жизни людей в древности и средневековье. Исходной базой для этого являются конкретные материалы, наблюдения, комплексное изучение и интерпретация их. Обращение к палеоклиматическим исследованиям возможно при решении глобальных и принципиальных вопросов. Данная тема требует отдельного рассмотрения. Однако многие положения специалистов, занимающихся голоценом на Алтае, окончательно еще не оформлены, хотя имеется ряд публикаций такого плана (Малолетко, Орлова, 1986; Михайлов, Редькин, 2000; Галахов, Редькин, Назаров, 2002; и др.). В последние десятилетия интерес археологов к данным палеоклиматологии, палинологии, палеопочвоведения и других естественных

наук возрос. Начало этому положили исследователи еще в довоенный период. Л.Н. Гумилев (1972) объяснял периодические миграции народов главным образом изменениями климата (периодами увлажнения и усыхания степей). Влияние ландшафтно-климатических изменений на облик археологических культур отмечали многие исследователи (Артамонов, 1971; Косарев, 1979, 1991; и др.). Показательной является монография М.К. Хабдулиной (1994), где исследовательница попыталась на основе данных ряда отраслей естественных наук и археологии реконструировать физико-географический фон и соотнести его с культурно-исторической ситуацией. В результате оказалось, что в конце II тыс. до н.э. наблюдалась, вероятно, некоторая стабилизация климата. Второй этап увлажнения и похолодания во 2-й половине голоцена наступил в IX–VIII вв. до н.э. Степень его проявления и длительность в масштабе общеголоценовой эволюции не столь значительны, как у предыдущего этапа в эпоху развитой бронзы. Но протекал он, судя по многим признакам, очень динамично, в виде бурных всплесков многоводья, перемежавшихся довольно стабильными атмосферными условиями. Природно-климатические перестройки привели к формированию современных ландшафтных рамок лесной, лесостепной и степной зоны. В производственной сфере значительность изменений отражена в появлении нового хозяйственно-культурного типа – кочевого скотоводства (Хабдулина, 1994, с. 16).

В этом же плане отметим работы А.Д. Таирова (2003а–б), в которых многие историко-культурные процессы, произошедшие во II–I тыс. до н.э., связаны с общими изменениями климата в степях и лесостепях Центральной Евразии. Подвижки и импульсы разной силы способствовали смене населения в ряде регионов, в том числе и на Алтае. Данные наблюдения в какой-то мере объясняют изменения в культурах степной полосы Евразии, о чем более конкретно сказано во второй и третьей главах.

В 2003 г. опубликованы краткие сведения о климатических изменениях в Минусинской котловине, которые были соотнесены с развитием южно-сибирских археологических культур и с аналогичными данными для Западной Европы. Наряду с другими, важными стали следующие заключения: в переходный период от эпохи бронзы к железу происходило потепление; на отрезке 900–800 гг. до н.э. довольно резко изменились температура и влажность; климатические условия влияли на тип древней экономики, а также на развитие уровня благосостояния или миграцию населения, что отражено в археологических культурах (Кулькова и др., 2003).

Методология и основные методы исследования. Современная система знаний позволяет диалектически использовать комплекс проверенных методологических положений из различных концепций. Поэтому теоретической основой нашего исследования послужили рациональные разработки отдельных направлений эволюционизма, позитивизма и исто-

рического материализма, которые не противоречат друг другу, а, наоборот, существенно продвигают наше понимание реально существовавшей действительности. Они были реализованы при изучении предметов, явлений, процессов и при наиболее полном раскрытии содержания обозначенных культурно-хронологических систем. Основным подходом при реализации комплекса исследований стал типологический метод, который был направлен на расчленение выделенных комплексов и на их группирование с помощью обобщенной модели. Этот метод традиционно используется в археологии в целях сравнительного изучения как отдельных категорий предметов, сооружений и явлений, так и их совокупности. Особенно это касается рассмотрения развития конкретных типов изделий во времени и пространстве. В ходе такой работы выявлялись связи, функции, отношения и уровень организации привлекаемых объектов. Реализованный подход способствовал выявлению закономерностей культурного развития кочевых общностей. В результате осуществлялась проверка имеющихся теорий однолинейной, двухлинейной и многолинейной эволюции, а также концепция культурного релятивизма, исходящая из положения о том, что пути развития отдельных культур уникальны и нужно изучать только их индивидуальные черты.

Опираясь на многогранный опыт проведенных исследований в области периодизации истории на основе различных источников (глава I), автор придерживался следующего системного соответствия при построении культурно-хронологической схемы: эпоха, период, время, культура, этап.

Названные эпохи (Древность и Средневековье) отражают самый высокий уровень обобщения и восприятия известных многочисленных данных. Они включают в себя довольно значительные по времени и содержанию периоды (ранняя, развитая и поздняя древность; раннее, развитое и позднее средневековье), в рамках которых обозначались культурно-хронологические отрезки, названные временем с использованием известного этнического или условного (по ярким памятникам) обозначения: раннескифское (раннесакское или аржано-майэмирское) время, пазырыкское (скифо-сакское), хуннуско-сяньбийско-жужанское («гунно-сарматское»), тюркское, кыргызское, монгольское. В каждой выделенной для Алтая археологической культуре обоснованы этапы. Такой подход является одной из традиционных форм современного исторического мышления. Он демонстрирует различные стадии зафиксированного явления (процесс становления, формирования и расцвета, а также видоизменения, трансформации и упадка), что отражает содержание любой объективной периодизации. Кроме этого, при изложении материалов диссертации использовались близкие по значению термины и понятия, заимствованные из других схем или концепций. Для более конкретного понимания данной ситуации приведем такие соответствия: эпоха поздней древности – ранний железный век

(эпоха раннего железа) – скифское и «гунно-сарматское» время – эпоха ранних кочевников; эпоха раннего и развитого средневековья – поздний железный век – тюркское, кыргызское, монгольское время – эпоха поздних кочевников. Как показал опыт работы, никаких противоречий у сложившихся и используемых в диссертации обозначений нет.

Принцип «триадности» при выделении этапов культур строго не соблюден в представляемой культурно-хронологической схеме. Это связано с тем, что не все обозначенные общности наполнены репрезентативным материалом, а историческое развитие культур демонстрирует многообразие причин изменений и форм существований. Тем не менее стоит согласиться с тем, что трехчастная структура является основным содержательным стержнем любой периодизации особенно на начальных этапах осмысления достаточных сведений, так как «...каждое явление имеет свое начало (период появления или формирования), период расцвета (время наибольшей концентрации присущих ему особенностей) и конец (период распыления и упадка или, наоборот, последнего взлета «творческих сил» носителей культурной традиции» (Савинов, 2005, с. 28).

При написании диссертации и в ходе работы с полученными материалами использовались общеисторические и традиционные археологические методы (описательно-сравнительный, аналитический, картографический, планиграфический, метод датированных аналогий и др.). Основными реализованными подходами стали материалистический, этногенетический, пространственно-временной, культурологический и комбинированный. Хронология вещевого комплекса определялась путем привлечения широкого круга аналогий, часть которых датирована радиоуглеродным, дендрохронологическим и другими методами. Следует отметить важность использования синхронизации для установления хронологического соответствия выделенных этапов с хорошо датированными историческими событиями и процессами. Отдельно в приложении представлена работа по сбору результатов осуществленного в разных лабораториях радиоуглеродного анализа образцов, которые были взяты из памятников Алтая. Часть калибровочных данных получена автором при использовании специальной программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.3).

Источниковая база. В основу исследования легли собственные результаты многолетних археологических разведок и раскопок на Алтае (с 1987 г.). Обследования осуществлены в Чемальском, Онгудайском, Усть-Канском и Улаганском районах Республики Алтай, в Змеиногорском, Рубцовском, Петропавловском и других предгорных районах Алтайского края, в Курчумском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан и на территории Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков Монголии.

Автором самостоятельно произведены раскопки археологических объектов раннескифского, скифо-сакского, «гунно-сарматского», тюркского, кыргызского и монгольского времени на ряде памятников: Бийке, Усть-Бийке-III, Ша, IV, Яломан-II, III и др. Часть полученных материалов опубликована в монографиях (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2003; Тишкин, Горбунов, 2005), а также изложена в многочисленных статьях и сообщениях (Тишкин, 1995, 1996, 1998, 2005 и др.). Однако новый и оригинальный материал представлен в работе впервые. Это особенно касается раннего (усть-эдиганского) и позднего (верхуймонского) этапов булан-кобинской культуры.

В диссертации использовались или были учтены те сведения, которые получены другими археологами при непосредственном участии автора в исследованиях серии памятников различных эпох (Тыткескень-I, VI; Яломан-VII, VIII; Чинета-II; Ханкаринский дол и др.). Результаты такой работы отражены в совместных публикациях с коллегами (Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992; Тишкин, Дашковский, 2003; Тишкин, Горбунов, 2003; и мн. др.).

Привлекались практически все введенные в научный оборот многочисленные данные, полученные специалистами за всю историю изучения обширного историко-культурного региона. Отдельное место занимают неопубликованные материалы, хранящиеся в музеях Барнаула, Горно-Алтайска, Новосибирска, Томска, Москвы и Санкт-Петербурга. В результате обобщенные данные выглядят по культурам следующим образом: бийкенская – более 200 погребальных объектов, пазырыкская – более 600, булан-кобинская – около 700, тюркская – более 170, кыргызская – около 20, монгольского времени – более 20. В них обнаружено огромное количество различных категорий инвентаря, который был проанализирован по таким комплексам: вооружение, снаряжение человека и верховой лошади, орудия труда и предметы быта, украшения костюма. Кроме археологических данных, привлекались письменные источники в виде систематизированных переводов, в которых отражены хотя бы какие-нибудь сведения о народах Алтая древности и средневековья. Указанные исторические события и экологические изменения, произошедшие в I тыс. до н.э. на территории Азии, приведены в соответствии с данными, которые обозначены в работах К.В. Васильева (1998), Л.С. Васильева (2000), А.Ю. Алексеева (2003), А.Д. Таирова (2003) и др. Подобная информация для последующих периодов отражена в ряде научных изданий (Крадин, 2001; Кляшторный, Савинов, 2005; и др.).

Научная новизна диссертации. В ходе исследований была впервые выработана единая схема археологического изучения истории кочевников Алтая эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья с целью всесторонней характеристики и создания по возможности более полной картины этнокультурного развития населения региона. Основой

реализации диссертационной работы стала систематизация инвентаря из погребальных комплексов, содержавших наиболее массовый и представительный материал, датированный различными методами (в том числе радиоуглеродным, дендрохронологическим, типологическим). Изучение особенностей погребального обряда позволило выявить этнокультурные компоненты у населения, проживавшего на указанной территории на разных этапах истории. Все выделенные хронологические группы соотношены с известными историческими событиями, которые происходили в Евразии и отражены в письменных источниках. Выводы диссертации базируются на огромном количестве проработанного археологического материала, существенная часть которого является результатами собственных, в том числе еще неопубликованных, исследований автора.

Апробация. Подход, реализованный сначала при изучении памятников скифского времени (Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003), а затем продемонстрированный на материалах других периодов истории (Тишкин, Горбунов, 2002, 2005) оказался довольно эффективным для разработки и демонстрации целостной картины поэтапного развития культур Алтая на значительном отрезке времени (конец IX в. до н.э. – XIV в. н.э.). Как показывает опыт, выбор такого решения проблем культурно-хронологического порядка использовался многими исследователями Сибири, не потерял своей значимости до сих пор, имеет положительную оценку и отражает уровень накопления и осмысления имеющихся сведений. Возможности совершенствования представленной схемы не исчерпаны и при получении новых данных возможны дополнения и корректировка. Такая систематизация объективно отражает современный процесс изучения древней и средневековой истории Алтая и сопредельных с ними территорий. Основные наработки и выводы, изложенные в диссертации, апробировались при прочтении многочисленных докладов на международных, всероссийских и региональных конференциях, конгрессах, семинарах и сессиях, прошедших в следующих городах России: Санкт-Петербург (1996, 1998, 2002), Новосибирск (1999–2005), Барнаул (1990, 1991, 1993, 1995–2005), Москва (2004, 2006), Улан-Удэ (2000, 2002, 2005), Иркутск (2003, 2005), Омск (2000, 2003, 2004), Томск (2001, 2003, 2005), Горно-Алтайск (1994, 1996), Минусинск (2005) и др. Можно отметить следующие международные форумы: «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Санкт-Петербург, 1998 г.; Нальчик, 2001 г.; Ханты-Мансийск, 2002 г.; Омск, 2003 г.; Алматы, 2004 г.), «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов» (Ховд, 1997, 2001, 2003 гг.); «Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий» (Барнаул, 1999 г.); «Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2000 г.); «Степи Евразии в древности и средневековье» (Санкт-Петербург,

2002 г.); «Мир Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2002 г.), «Иерархия и власть в истории цивилизаций» (Москва, 2004, 2006 гг.); «Социогенез в Северной Азии» (Иркутск, 2005 г.); «Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие)» (Улан-Удэ, 2005 г.); «Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия» (Минусинск, 2005). Полученные результаты продемонстрированы в более 200 различных публикациях.

Практическая значимость работы заключается во внедрении в учебный процесс многих положений диссертации, что реализуется при чтении на историческом факультете Алтайского университета основного курса «Археология», а также ряда спецкурсов («Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая», «Использование естественно-научных методов при археологических исследованиях», «Первобытное искусство» и др.). Для этого опубликованы учебные и учебно-методические пособия, хрестоматия, программы и учебно-методические рекомендации. Два издания под названием «Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая» (в соавторстве с П.К. Дашковским) были рекомендованы Учебно-методическим советом (УМС) по истории и искусствоведению Учебно-методического объединения (УМО) по классическому университетскому образованию при МГУ в качестве учебного пособия и хрестоматии для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020700 – история. Кроме этого, опубликованные статьи научного, научно-популярного, справочного и другого характера оказались востребованы не только в виде познавательной информации, а также в качестве исторического опыта хозяйственного освоения Сибири. Следует отметить, что разработка темы диссертационного сочинения была поддержана РФФИ через реализацию нескольких проектов (№00-06-80393 «Этнокультурная история Алтая в эпоху средневековья»; №02-06-80342 «Комплексное исследование этногенетических процессов на Алтае в период формирования и развития кочевых культур»; №03-06-80384 «Снаряжение кочевников как этнокультурный и хронологический показатель при изучении истории Алтая»; №03-06-80331 «Дендрохронологические исследования археологических памятников юга Западно-Сибирской равнины и Алтая (VIII в. до н.э. – XV в. н.э.)»), в которых диссертант являлся руководителем или основным исполнителем.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав с выделенными параграфами, заключения, перечня архивных материалов и коллекций, библиографического списка, списка сокращений и приложения, в котором размещены основные понятия, характеризующие время, радиоуглеродные датировки и результаты их калибровки, а также данные об археологических памятниках и альбом иллюстраций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** отражена общая характеристика работы: раскрыта актуальность, определена цель и сформулированы задачи, обозначены объект, предмет, методология и основные методы исследования, установлены хронологические и территориальные рамки, очерчена источниковая база, охарактеризованы научная новизна, практическая значимость и апробация.

Глава I. История создания периодизационных и культурно-хронологических схем

1.1. Периодизации в исторической науке: европейский опыт и некоторые методологические проблемы. В настоящее время перед исследователями многих регионов Евразии стоит задача создания культурно-хронологических схем, основанных на изучении различных источников и отражающих закономерности фиксируемых исторических процессов. Наиболее актуальна такая задача для территорий, где существовали народы, не имевшие письменности, а воссоздание прошедших времен базируется главным образом на археологических материалах. Кроме этого, осуществляются попытки обобщения многочисленных данных на более высоком уровне осмысления структуры мировой истории. В ходе выполнения такой работы важно уяснение опыта подобного рода построений для более эффективного решения имеющихся современных проблем обозначенной темы.

История человечества представлена разными хронологическими отрезками (фазы, вехи, стадии, этапы, периоды, века, время, эпохи, эры и др.), которые составляют периодизацию – деление процессов развития на основные качественно отличающиеся друг от друга периоды в соответствии с объективными закономерностями природы и общества. В данном параграфе рассмотрен имеющийся многогранный опыт структурирования истории и обозначены существующие проблемы в этой области знаний через представление различных построений зарубежных и отечественных исследователей, опираясь на свидетельства древних и средневековых мыслителей, а также на разработки нового и новейшего времени. Представленный обзор важен для уяснения используемых в диссертации некоторых методологических положений и терминов. Он определенным образом направлен и на решение вопросов, возникавших в ходе развития отечественной археологии.

Периодизация относится к числу наиболее заметных и наименее изученных теоретических разделов истории (Грин, 2001) и археологии (Клейн, 2005). Она связана с хронологией (человечество внедрило в сознание каждого факт течения времени и без этого обойтись уже чрезвычайно трудно) и используется для деления процессов развития общества и природы на периоды, качественно отличающиеся друг от друга на основе определен-

ных признаков или принципов. Периодизацией называют и саму процедуру структурирования истории, ее результат, а также отнесение каждого события, явления и обществ к установленному этапу с определением хронологических рамок (Гринин, 1996). «Периодизация – путь к укрупнению единиц познания, что обязательно в современных условиях лавинообразного роста информации» (Щапова, 2005, с. 86–87). Она необходима для систематизации знаний о событиях и процессах в качестве организующей и упорядочивающей схемы (Савельева, Полетаев, 1997). Поэтому следует признать важную роль периодизации при обобщении накопленных исторических сведений, ее можно рассматривать как метод и «инструмент» при уяснении соотношений значимых показателей, существенно продвигая наши представления о прошлом. «Периодизация – очень эффективный способ упорядочения материала, обладает большой эвристической и методологической силой при условии, что она не противоречит фактам, составлена по единым основаниям и без логических ошибок, опирается на естественные рубежи» (Гринин, 1996, с. 6).

Периодизация является источником и продуктом теории, а также отражением практических нужд общества. Она связана со многими вопросами, отражает приоритеты, ценности, понимание сил постоянства и изменения. Существует масса подходов при реализации такого рода построений. Как показывает анализ периодизационных схем, критерии для их создания могут быть различными, и зависят они от количества и качества источников, от уровня развития исторической науки, а также от определенного социального или политического заказа. Кроме того, существует значительный спектр объективных оснований для осуществления такого деления в зависимости от полученных материалов, демонстрирующих географические, этнокультурные, политические и другие характеристики. Имеются и реальные закономерности, которые отражают устойчивые связи и повторяемости в явлениях социокультурного плана. Есть определенно реализуемые и хорошо фиксируемые циклы, стадии, периодичности (Савельева, Полетаев, 1997): смена поколений; начало, расцвет, упадок; стабильность, кризис, возрождение и т.д. Эти и другие стабильные показатели (внешние и внутренние структуры – по Н.С. Розову (2001)), лежащие в основе системного выражения истории, являются предметом изучения и способствуют организации наших представлений о процессе развития всего человечества, который в настоящее время выглядит следующим образом: доисторическая эпоха (первобытность), древнейшие общества, классические древние (античные и современные им) цивилизации, Средневековье, Возрождение, Новое и Новейшее время (Розов, 2001).

Однако существует множество вопросов относительно того, какое место и время занимает то или иное историческое явление в весьма обобщенной и линейной системе. Следует также указать, что имеющийся

опыт исторических периодизаций в значительной мере базируется на европоцентризме, что является односторонним подходом и затрудняет восприятие событий и процессов развития обществ в других частях мира. Особенно уязвимыми в данном контексте представляются археологические материалы и другие свидетельства бесписьменных культур. В этой связи автором диссертации предлагаются пути преодоления подобной практики через поэтапную реализацию обобщений имеющих многоплановых данных и построение синхронизированных с историческими показателями культурно-хронологических схем, которые при определенной унификации и корреляции между собой смогут обеспечить решение важных проблем структурирования истории Евразии. Осуществление этой задачи требует значительного количества времени и сил. Конечно, проблема не может быть решена в ближайшее время, но работа обозначенного плана во многих регионах проводится. В данной ситуации важно также уяснить сформировавшиеся направления в делении прошлого на определенные культурно-хронологические отрезки. Представленный в диссертации обзор имеет демонстрационный характер и отражает обобщенный опыт предшествующих поколений исследователей: философов, теологов, филологов, социологов, экономистов, историков, археологов.

1.2. Накопление сведений по древней истории Сибири и первые попытки обобщения археологических материалов. Открытия археологических памятников на Алтае были связаны во многом с поиском полезных ископаемых в этом регионе (Демин, 1980, 1981, 1986, 1989; Уманский, 1999) и с многоэтапным освоением Сибири разноэтничными народностями (Уманский, 1966, 1999). Часть переселенцев в силу ряда причин не смогла обеспечить себе достаточное материальное благосостояние и обратилась к раскопкам древних могил с целью отыскания в них драгоценного металла и различных поделок. Постепенно к поиску «могильного золота» в Сибири присоединились и чиновники царской администрации. Они организовывали группы кладоискателей-«бугровщиков» и присваивали немалую долю найденных ценностей. Обнаруженные вещи продавались купцам, путешественникам, предпринимателям. Тайное «бугрование» продолжалось с середины XVII в. до 20-х гг. XX в. (Демин, 1989).

Знаменитая Сибирская коллекция Петра I (Руденко, 1962; Матвеев, 1992) составлена из предметов, найденных в разграбленных курганах. Аналогичную по составу, но значительно меньшую по объему коллекцию сибирских золотых вещей собрал в свое время Н.К. Витзен (Борисенко, Худяков, 2001). Однако она сохранилась только в рисунках в посмертном издании его книги в России (Степная полоса..., 1992, с. 161).

В 1-й половине XVIII в. в государственные учреждения Петербурга приходили сообщения о многочисленных находках древностей (Кызласов, 1962; Демин, 1980; и др.). Размах разграбления курганов и переплав-

ка изделий приобрели широкие масштабы. Указы Петра I в 1717 и 1722 гг., а также распоряжение сибирского губернатора в 1727 г. не смогли полностью прекратить этот промысел (Авдусин, 1980; Демин, 1989).

В то же время было организовано всестороннее научное изучение Сибири. Значительный вклад в это дело внесли участники естественно-научных экспедиций. Некоторые из исследователей пытались на определенном уровне обобщить имеющиеся археологические данные. Д.Г. Мессершмидт и Г.Ф. Миллер отмечали хронологическую неоднородность древних памятников, основывая свои выводы на анализе материала, из которого изготовлялся погребальный инвентарь. Они разделили дорусскую историю Сибири на два периода: эпоха меди и эпоха железа (Демин, 1977). П.С. Паллас разработал классификацию погребений, археологически обосновал этническую близость первобытных обитателей Сибири и Венгрии (Демин, 1989). Заметную роль в открытии археологических памятников Алтая и собирание древностей играли местные краеведы. Лишь немногие из них стали признанными учеными (Демин, 1981, 1989).

В 1853 г. Э.Г. Муральт в своей статье «Скифские древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже», опираясь на письменные источники, дал этногенетическую картину развития народов Сибири от скифского времени до позднего средневековья (Марсадалов, 1996). Изучив коллекцию археологических находок П.К. Фролова, он выделил четыре «различные эпохи образования народа Чуди». К первой Э.Г. Муральт отнес предметы из камня, ко второй – из бронзы, к третьей – из серебра, дерева, кости и рога, к четвертой – вещи из железа. На основе классификации конкретного археологического материала был сделан вывод о том, что древние обитатели Алтая прошли в своем развитии четыре культурно-исторические стадии (Демин, 1989).

С деятельностью В.В. Радлова (1837–1918) связано начало нового этапа в археологии Сибири (Белокобыльский, 1986; Артюх, 2006). Исследователь известен не только своими раскопками, но и попытками осмыслить полученные результаты исследования. Он один из первых представил схему развития народов Алтая на основе периодизации археологических памятников Южной Сибири и северо-восточной части современного Казахстана. В.В. Радлов (1989) подразделил все изученные им объекты на четыре хронологических периода: бронзовый и медный, древнейший железный, новейшая эпоха железного века, позднейший железный. Данная схема с небольшой поправкой нашла отражение и была конкретизирована иллюстративными материалами в атласе рисунков сибирских древностей, подготовленном ученым (Вайнштейн, 1989). Чтобы создать целостную картину о древней истории Алтая, ученый хорошо изучил публикации и архивы своих предшественников: Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, проводивших археологические изыскания в Южной Сибири

в XVIII–XIX вв. (Борисенко, Худяков, 2000). Несмотря на то, что предложенная им периодизация археологических памятников близка к распространенной в то время концепции «трех веков» (каменный, бронзовый (медный), железный), тем не менее она имела вид своеобразной модификации (Савинов, 1998, с. 113). Это была попытка, используя фактический материал, показать развитие древних культур Сибири (Марсадалов, 1996, с. 14). Данная концепция отражала уровень развития археологической науки в России в конце XIX в. – начале XX в. С подобными построениями научную общественность познакомили многие исследователи (Д.А. Клеменц, И.Т. Савенков, А.М. Тальгрэн, А.В. Адрианов и др.), положив в основу материалы Южной Сибири (Ковешникова, 1994).

1.3. Культурно-хронологические схемы изучения истории Алтая, разработанные в советское время (1920–1990 гг.). Поступательное археологическое изучение Алтая приходится на 1920–1990-е гг. Начальный этап этого сложного периода в истории нашей страны связан с широким спектром социально-экономических, политических и культурных преобразований. Происходило формирование новой отечественной археологии, которая в определенной степени унаследовала традиции дореволюционной науки. Особо следует отметить участие в этом процессе представителей палеоэтнологической школы, созданной в свое время в Санкт-Петербургском университете и продолжавшей существовать в 1920-е гг. (Тихонов, 1995; Жук, 1987). В это же время в Москве работала группа исследователей, находившаяся под влиянием идей Д.Н. Анучина, которого называли «создателем русской университетской географической школы» (Генинг, 1982).

Огромная роль в решении многих вопросов обозначенной в диссертации проблематики принадлежит трем выдающимся отечественным археологам – С.И. Руденко, С.В. Киселеву и М.П. Грязнову (Тишкин, Дашковский, 2004).

В работе «Древние культуры Алтая» М.П. Грязнов (1930), опираясь на известные материалы и используя периодизации В.В. Радлова и С.А. Теплоухова, привлек результаты новых археологических данных и разработал схематическое построение смены культур Алтая. Памятники этого региона были разделены на семь основных этапов или последовательных «культурных стадий». Базой для формирования представлений о развитии общества на протяжении трех эпох (камня, бронзы и железа) послужила сводка обнаруженных вещей. В предложенном делении схематично определена последовательность культур, но отсутствовали конкретные хронологические привязки. Для более совершенной периодизации тогда не хватило единичных и случайных находок, нужен был массовый материал, отражающий различные стороны жизнедеятельности древних и средневековых обществ (Кирюшин, Тишкин, 1997). Тем не менее публикация М.П. Грязнова заложила основу для дальнейших перспектив в археологическом изучении одного из своеобразных регионов Евразии.

Существенным вкладом являлось выделение М.П. Грязновым (1939) трех хронологических групп могильников Алтая эпохи ранних кочевников (майэмирская, пазырыкская и шибинская). Представленная в популярной форме и без достаточной аргументации схема хотя и имела хронологические определения, но все же требовала существенного обоснования. В 1947 г. был опубликован доклад только о майэмирской группе памятников. К проблеме периодизации эпохи ранних кочевников М.П. Грязнов (1975, 1978, 1980, 1992) неоднократно обращался позже.

Стоит остановиться на реализации программы, задачу которой М.П. Грязнов сформулировал при проведении исследований на комплексе памятников в урочище Ближние Елбаны. Идея заключалась в выявлении и изучении разных археологических объектов, чтобы полученный материал отражал «...все этапы культурного развития древнего населения Верхней Оби» и «...представлял надежную опору для хронологической классификации памятников...» (Грязнов, 1956, с. 6–7). Сначала в опубликованной лекции (Грязнов, 1949), а затем в статье, вышедшей в 1951 г., М.П. Грязнов представил основательную таблицу обозначенных в районе Верхней Оби культур от эпохи бронзы до телеутов XVI–XVII вв. Там уже даны названия 11 последовательных этапов, имелись конкретные датировки и обозначены некоторые этнические определения. Вместе с комплексами вещей приводились примеры погребальной обрядности. По сравнению с публикацией 1930 г., это был существенный прогресс в обосновании культурно-хронологической концепции. В изданной монографии (Грязнов, 1956) некоторые из ранее выдвинутых положений были переосмыслены и пересмотрены (Тишкин, 2000). Данная работа М.П. Грязнова стала базовой для многих исследователей. Она повлияла на изучение археологии Алтая (Гаврилова, 1965) и других регионов.

Существенными следует признать разработки С.В. Киселева в области систематизации знаний о древней и средневековой истории Южной Сибири (Тишкин, 2005). Опубликованная концепция, имея в какой-то мере традиционную канву, отличалась от подобного рода исследований не только анализом огромного объема полученного и обработанного материала, но и принципиально другим подходом. Изучив первые попытки систематизации археологических материалов Сибири, а также работы в этом направлении В.А. Городцова, А.А. Спицына, Д.А. Анучина и других исследователей, С.В. Киселев предоставил на обсуждение свою схему и свое понимание развития культур Южной Сибири. Делая упор на «историзм», исследователь выделил три больших периода (древность, гунно-сарматское время, сложение государств), в которых последовательно отражены эпохи (южносибирский неолит, афанасьевская, андроновская, карасукская, тагарская (с выделением первой, второй и третьей (переходной) стадий, а также майэмирской культуры на Алтае), пазырыкская, таштыкская), хронологический отрезок «Алтай в V–X вв. н.э.» и история енисейских кыргызов. Данная схема имела погрешности в логиче-

ском построении и изложении. Наряду с общей положительной оценкой, она вызвала критические замечания (Гаврилова, 1965). Работы С.В. Киселева способствовали продвижению исследователей в понимании многих вопросов общего и частного характера, а также создавали условия для дальнейшей модификации представленных культурно-хронологических схем. Последнее происходило, как правило, при накоплении нового материала, когда его количество позволяло сделать более качественное оформление системы знаний о том или ином обществе. Это обычная процедура в исследовательской практике, но реализация ее занимает разное время. Возврат к ранее представленным идеям и их проверка на новом уровне – необходимый подход при решении проблем древней и средневековой истории Южной Сибири.

Учитывая опыт предшественников и опираясь на имевшиеся сведения, А.А. Гаврилова (1965) создала периодизацию позднекочевнических могил Алтая на основе памятников шести типов: «...1) одинцовского (IV–V вв.); 2) берельского (V–VI вв.); 3) кудыргинского (VI–VII вв.); 4) катандинского (VII–VIII вв.); 5) сrostкинского (VIII–X вв.) и 6) часовенногорского (XIII–XIV вв.), с одной лишь лакуной – еще не выявлены памятники XI–XII вв. ...». Археологические материалы исследовательница свела в таблицу, которая наглядно демонстрировала культурно-хронологические комплексы. Данная работа, несмотря на определенные методологические неувязки, сыграла значительную роль в процессе изучения эпохи средневековья Алтая и других территорий.

Построением культурно-хронологических схем на археологических материалах в 1950–1980-е гг. занимались многие исследователи Сибири: Л.Р. Кызласов, А.Д. Грач, В.А. Могильников, А.С. Суразаков и др. Эти результаты стали следствием широкомасштабных раскопочных мероприятий, осуществленных в послевоенный период особенно в зонах интенсивного строительства объектов народного хозяйства СССР.

После М.П. Грязнова и С.В. Киселева с более или менее целостной концепцией этнокультурного развития кочевников Алтая выступил В.А. Могильников (1996). Рассматривая генезис тюркской культуры, исследователь опирался на идею автохтонности населения, проживавшего на Алтае с раннекифского времени. Это, по его мнению, заключалось в существовании тюркской триады, которая находит отражение в стабильной традиции захоронения человека с лошастью, культурных сооружений и каменных скульптурных изображений воинов. Намеченная ранее схема (Могильников, 1986) была модифицирована и выглядела следующим образом: майэмирская культура (куртуский этап (VIII–VII вв. до н.э.) → карбанский этап (VII – 1-я половина или начало VI вв. до н.э.)) → пазырыкская культура → гуннское время → берельский тип (IV–V вв.) → древнетюркская культура. Следует указать, что В.А. Могильников не исключал внешнее влияние и миграции, указывая на многокомпонентность ряда общностей.

В 1981 г. вышел том «Степи Евразии в эпоху средневековья», где во введении изложена периодизация, которая имела огромное значение для развития отечественной медиевистики. Там были обозначены три периода/этапа широко используемой схемы: раннее средневековье (конец IV – 1-я половина X вв. – от эпохи великого переселения народов до «сельджукского» движения), развитое средневековье (2-я половина X– 1-я половина XIV вв. – до гибели Золотой Орды) и позднее средневековье (Плетнева, 1981; Степи Евразии..., 1981, с. 303).

Проблема культурно-хронологического изучения истории кочевников Алтая занимает значительное место среди научных интересов Д.Г. Савинова. Обладая широкими знаниями археологических материалов из памятников Саяно-Алтая и сопредельных территорий, а также привлекая другие источники, исследователь наиболее полно сформулировал картину развития разных народов Южной Сибири в древности и средневековье, опираясь на идею непрерывности культурно-исторического процесса (Савинов, 1984, 1987 и др.). При изучении проблемы хронологии и периодизации ученый предложил синхронизировать культуры скифо-сарматского времени Южной Сибири с несколькими датами, известными по древнекитайским и античным источникам (Савинов, 1991, 2002). Существенными следует признать разработки Д.Г. Савинова при рассмотрении этнокультурной истории древних и средневековых народов Западной и Южной Сибири. Им выяснялись возможности использования таких понятий, как «эпоха ранних кочевников» (Грязнов, 1939), «эпоха поздних кочевников» (Черников, 1960), «эпоха средневековых кочевников» (Хазанов, 1973), «древнетюркское время/эпоха» (Грач, 1966), «эпоха раннесредневековых государств» (Кызласов, 1979), «типы памятников» (Гаврилова, 1965), «этапы развития древнетюркской культуры/эпохи» (Вайнштейн, 1966; Худяков, 1982), «периоды существования государственных объединений» (Кызласов, 1969, 1979). Приведенные определения и некоторые другие, базирующиеся на разных основаниях, по мнению Д.Г. Савинова (1984, с. 5), не противоречат друг другу, так как освещают разные стороны развития обществ и культуры определенного исторического периода. Исследователем предложена своя дефиниция древнетюркской эпохи с делением на раннетюркское время (V – середина VI вв. н.э.), тюркское время (середина VI – середина IX вв. н.э.) и позднетюркское время (середина IX – конец X вв. н.э.) (Савинов, 1984, с. 5–6). Кроме этого, указаны еще два периода – позднехуннское или предтюркское время (460–552 гг. н.э.) и монгольское время (XI–XII вв. н.э.). Важным моментом явилось методологическое наполнение использованного понятия «время» в его этнокультурном аспекте через известные материалы конкретных археологических памятников и культур, которые могут быть «... сопоставлены с данными письменных источников, идентифицированы с содержащимися в них этнонимами и приобрести определенное историческое и этнографическое содержа-

ние» (Савинов, 1984, с. 6). Анализ массива сведений позволил Д.Г. Савинову (1984) представить «этапы развития южносибирских культур во 2-й половине I тыс. н.э. и их синхронизацию».

Можно указать довольно много работ, которые были посвящены культурно-хронологическому осмыслению многочисленных материалов по скифской эпохе Алтая (Тишкин, 1994; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2003, 2004). Поэтому лишь назовем исследователей, внесших существенный вклад в процесс изучения рассматриваемой темы: Л.С. Марсаолов (1985, 1996, 2000), В.И. Молодин (2000, 2001), В.Д. Кубарев (1987, 1991, 1992, 1997), А.С. Суразаков (1989), П.И. Шульга (1986, 1998, 1999, 2003) и др. Отметим также сложение двух противоположенных тенденций при изучении скифской эпохи в целом. Некоторые исследователи пытаются «удревнить» памятники рассматриваемого времени, используя кроме традиционных археологических источников, данные дендрохронологического и радиоуглеродного анализа. Другие ученые, опираясь на анализ предметов вещевого комплекса и письменные источники, настаивают на необходимости «омоложения» скифских памятников Евразии, в том числе и пазырыкских курганов.

Широкомасштабные исследования на Алтае в 1990-е гг. были проведены Институтом археологии и этнографии СО РАН. Раскопанные памятники предоставили возможность разработать хроностратиграфию освоения и использования людьми плоскогорья Укок (Деревянко, Молодин, Савинов и др., 1994). Однако полученная культурно-хронологическая линия имела незаполненные лакуны. Это вполне объяснимо спецификой выбранной для исследования территории. В результате общая схема выглядит следующим образом (Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004, с. 223): «Палеолит. Эпоха бронзы: афанасьевская культура (конец IV – начало II тыс. до н.э.); ранняя бронза (II тыс. до н.э.); поздняя бронза (конец II – начало I тыс. до н.э.). Эпоха раннего железа: раннескифское время (VIII–VII вв. до н.э.); пазырыкская/кара-кобинская культура (VI–II вв. до н.э.); гунно-сарматское время (II в. до н.э. – V в. н.э.). Эпоха средневековья: древнетюркское время (VI–XI вв. н.э.); монгольское время (XII–XIV вв. н.э.). XV–XVI вв. XVII–XVIII вв.».

В заключение параграфа обращено внимание на особую роль трудов серии «Археология СССР», где были обобщены многолетние исследования, в том числе по разработке культурно-хронологических схем. Представленная в первом томе «Истории Республики Алтай» (2002) периодизация демонстрирует определенный уровень в данной области знаний и свидетельствует о том, что к началу XXI в. единая система изучения древней и средневековой истории Алтая так и не была обоснована, не смотря на наличие локальных периодизаций отдельных культур. Поэтому в следующих главах диссертации предусматривается хотя бы отчасти ликвидировать такой пробел, представив культурно-хронологическую концепцию по эпохе поздней древности и средневековья.

Глава II. Алтай в эпоху поздней древности (ранний железный век)

2.1. Бийкенская культура (раннескифское время): выделение, основные характеристики и вопросы происхождения. Вопросы происхождения, становления и развития культур скифской эпохи остаются до сих пор дискуссионными. Не решены эти проблемы современной скифологией и в объеме культурных границ существования древних народов Евразии этого времени, хотя такое изучение проводилось как на отдельном научно-исследовательском уровне (этнолингвистическом, археологическом, антропологическом, искусствоведческом, интерпретации данных письменных источников и др.), так и в их различной совокупности (Погребова, Равевский, 1992; Алексеев, 2003 и др.). Стоит заметить, что многие поставленные вопросы общей темы зачастую решались преимущественно по результатам изучения археологии Европейской Скифии, а затем уже использовались при исследовании других регионов. Такой подход имел свои положительные и отрицательные стороны (Тишкин, 1994).

История изучения скифской эпохи Алтая показывает, что изменение научных представлений о культуре скотоводов этого региона происходило под влиянием двух основных факторов. Во-первых, исследование обозначенной проблематики было объективно обусловлено процессом накопления фактического материала, первичной его обработкой и систематизацией. Во-вторых, интерпретация полученных результатов и конкретные исторические реконструкции хозяйства, быта, религии, мировоззрения и социальной структуры кочевников оказались сопряжены с особенностями развития самой археологической науки (Тишкин, Дашковский, 2004).

В 1980-е гг. учеными предложено несколько культурно-хронологических концепций осмысления накопившегося археологического материала. Хотя они оставались практически в рамках разработок М.П. Грязнова, все же появились новые обоснованные уточнения и предложения, особенно при рассмотрении начального этапа скифской культуры, так как от решения этой проблемы зависело дальнейшее понимание развития древнего общества на Алтае. В 1985 г. Л.С. Марсадолов разбил памятники на два больших культурно-хронологических этапа. Один из них (маэймирский) он предложил датировать VIII–VII вв. до н.э., возможно, 1-й четвертью VI вв. до н.э., а другой этап (пазырыкский) условно ограничить VI–IV вв. до н.э. При этом в маэймирский период были включены две группы погребений («скорченники» и «вытянутые»), изученных в разных районах Алтая. Свои выводы исследователь сделал на основе комплексного подхода при датировании материалов раскопанных курганов, для чего использовались данные археологии, дендрохронологии и радиоуглеродного анализа. Это позволило найти хронологические «опорные точки» (абсолютные даты), хронологические «индикаторы» (псалии, удила,

пряжки) и выявить близкие группы памятников. Кроме всего, было предложено синхронизировать с известными историческими датами и событиями изменения в формировании и развитии выделенных культурно-хронологических этапов.

Наиболее развернутую картину понимания этнокультурных процессов представил В.А. Могильников (1986). Он предложил рассматривать в рамках раннескифского времени особую майэмирскую культуру, которая прошла в своем развитии два этапа: куртуский VIII–VII вв. до н.э. и майэмирский VII–VI вв. до н.э. При этом исследователь обозначил территорию распространения памятников в рамках двух локальных вариантах: южный (куртуско-катонский) и северный (усть-куюмский). Имевшиеся в то время материалы позволили только предварительно наметить различия между памятниками куртуского и майэмирского периодов. Целостная характеристика майэмирского этапа в работе не приведена. Отмечены лишь некоторые показатели. Для формулировки положений обозначенной концепции В.А. Могильников использовал в качестве фактического материала совсем небольшую источниковую базу, основанную на результатах собственных раскопок всего пяти погребений, часть которых была ограблена или безынвентарна. Кроме этого, привлекались материалы из 15 разнообразных памятников. Такой подход не отражал объективной ситуации, поэтому, по мнению В.Д. Кубарева (1998, с. 77) и других исследователей, выделение майэмирских погребений в отдельную культуру было бы вряд ли целесообразно. Развивая свои идеи, В.А. Могильников (1986а–б, 1988) отмечал, что на основе усть-куюмского локального варианта майэмирской общности сформировалась кара-кобинская культура V–III вв. до н.э., а пазырькская с конца VI в. до н.э. представляла собой результат взаимодействия местного населения куртуского этапа южных, юго-западных и частично центральных районов Алтая и племен, пришедших из степей Казахстана. Представленная концепция этнокультурного развития населения Алтая в раннем железном веке вызвала неоднозначные оценки (Тишкин, 1994; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2003). Она определенным образом соединяла идеи М.П. Грязнова, С.В. Киселева, Л.С. Марсадолова и других археологов. Точку зрения В.А. Могильникова в целом поддерживали А.С. Суразаков (1988), П.И. Шульга (1998, 1999), В.И. Молодин (2000а–б) и некоторые другие исследователи, дополнив ее содержание новым конкретным материалом. Однако, как справедливо заметил П.И. Шульга (2000), указанная выше позиция известного археолога по поводу интерпретации немногочисленных материалов раннескифского времени «...не выдержала испытание временем и была пересмотрена».

В 1999 г. Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин, опираясь на монографическое исследование (Кирюшин, Тишкин, 1997), выступили с инициативой выделить на Алтае бийкенскую культуру (конец IX–VI вв. до н.э.), а по-

нятие «майэмирская культура» в ходе коллективных обсуждений было закреплено за памятниками западных и северо-западных предгорий. Данные предложения встретили как поддержку, так и критику со стороны коллег. Но постепенно исследователи стали склоняться к указанной точке зрения (Марсадалов, 2000, 2001; Шульга, 2000; Дашковский 2001; и др.).

Бийкенская археологическая культура начала наполняться конкретным содержанием совсем недавно (Тишкин, 2003, 2005; Тишкин, Дашковский, 2003, 2004; Тишкин, Леонова, 2005; и др.). Сейчас представляется реальным назвать и охарактеризовать этапы развития хорошо фиксируемого явления. Первая попытка наметить такое деление была осуществлена автором диссертации (Тишкин, 1996) и нашла отражение в монографии, специально посвященной изучению культуры населения Алтая раннескифского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997). В настоящее время принят новый подход, основой реализации которого стала систематизация всего известного вещевого комплекса из исследованных памятников Алтая, а также сопоставление зафиксированных особенностей погребального обряда (Тишкин, 2005). Это позволило обозначить этапы, опираясь на материалы наиболее изученных и характерных объектов. Выделенные хронологические группы соотнесены с известными историческими событиями, которые произошли в Азии и отражены в письменных источниках. Представленная ниже схема поэтапного развития бийкенской культуры, в которой отмечен процесс привнесения новаций, является определенной стадией обобщения материала из более 200 курганов. Анализ приводимого в приложении предметного комплекса уже неоднократно осуществлялся автором в ряде публикаций (Тишкин, 1996, 1999, 2005 и др.; Тишкин, Горбунов, 2005, Кирюшин, Тишкин, 1997).

Самый ранний памятник, где было зафиксировано захоронение человека с лошадью, – курганный могильник Курту-II, датированный по найденным псалям не позже VIII вв. до н.э. (Сорокин, 1966). Наиболее близко к нему в территориальном и хронологическом отношении располагался интереснейший погребальный комплекс с «оленными» камнями Ак-Алаха-II (Полосьмак, 1993), где зафиксированы показательные элементы конского снаряжения. Указанные объекты локализуются в верховьях Бухтармы и на плато Укок. Подобные, но безынвентарные погребения исследованы в Чуйской котловине и на других территориях к северо-западу от нее. Ранний этап бийкенской культуры, за которым оставлено уже обозначенное ранее название *куртуский*, рассматривается нами предварительно, так как пока исследована небольшая серия курганов и найдено немного предметов. Хронологически период определен концом IX – 1-й половиной VIII вв. до н.э. Обнаруженный инвентарь находит аналогии в комплексе Аржан и в других синхронных ему памятниках (Грязнов, 1980; Марсадалов, 2000). Выделенный этап синхронизируется с

датированными событиями: 826–781 гг. – правление Сюань-вана (Западное Чжоу), в ходе которого были организованы походы на северные племена с целью покорения их; около 800 г. до н.э. в степях Центральной Азии разразилась жесточайшая засуха, спровоцировавшая подвижку скотоводческого населения; 781–770 гг. до н.э. – время правления Ю-вана, закончившееся разгромом его войска кочевыми племенами, переносом столицы Чжоу на восток и образованием государства Восточное Чжоу (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159).

Большинство исследованных археологических комплексов бийкенской культуры отнесено к *семисартскому этапу* и датировано 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. При всех имеющихся общих чертах можно отметить многообразие типов погребальных сооружений, что свидетельствует о локальных особенностях культуры населения, проживавшего на Алтае (Кирюшин, Тишкин, 1997). Этап назван по памятнику Семисарт-I, который исследовался Л.С. Марсадоловым (2001) и полностью опубликован. Начало указанного периода, возможно, связано с падением в Китае династии Западное Чжоу в 770 г. до н.э. (Савинов, 2002), что стало причиной массовых миграций. Примерно к 750 г. до н.э. завершился распад государственно-административной системы указанной державы. После этого исследователями отмечается период стабилизации в Китае, что, вероятно, способствовало и благоприятному развитию кочевых племен. Еще одним положительным фактором стала смена экологических эпох в Азии, отмеченная после 750 г. до н.э. Практически на всей территории Алтая обнаружены и изучены курганы семисартского этапа бийкенской культуры. Наибольшая плотность памятников фиксируется в долине Катунь (Кирюшин, Тишкин, 1997). Прослеживаются контакты с носителями соседней майэмирской культуры (Шульга, 2000; Тишкин, 2003). Эти отношения носили, по всей видимости, относительно мирный характер. Следует указать, что в погребениях бийкенской культуры обнаружено очень мало предметов вооружения.

Опосредованное влияние на развитие культур раннескифского круга в рассматриваемый период могли оказать события, произошедшие и на Ближнем Востоке. В 679 г. до н.э. киммерийцы совершили неудачный поход против Ассирии, а около 670–660 гг. до н.э. началась миграция скифов из Передней Азии (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159).

Заключительный этап бийкенской культуры обозначен нами *бойтыгемским* и датирован 2-й половиной VII – 2–3-й четвертью VI вв. до н.э. Несмотря на то, что в это время отмечаются ранее существовавшие признаки погребальной обрядности, фиксируются и заметные изменения. Это проявляется и в вещевом комплексе. Такой процесс, на наш взгляд, связан с приходом нового населения и находит отражение не только на памятнике Бойтыгем-II (Абдулганеев, 1994), а фиксируется на всей территории Горного Алтая (Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005). Материа-

лы Бойтыгемского этапа могут быть сопоставлены с хорошо датированным комплексом царского кургана Аржан-2 в Туве (Чугунов, 2004), а также с другими синхронными ему памятниками. В Передней Азии в указанный отрезок времени происходили события, которые в определенной мере повлияли на этнокультурную ситуацию в евразийских степях. Стоит указать на ряд исторически установленных дат (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159). Со 2-й половины VII в. до н.э. образуются и существуют два государства – Мидия (ок. 650–550 гг. до н.э.) и Лидия (ок. 650–546 гг. до н.э.), отношения между которыми составляют историческую канву. Примерно в 644 г. до н.э. киммерийцы захватили столицу Лидии, а с 630 г. началась «гегемония скифов» в Передней Азии. Важными являются и такие события, как падение Новоассирийской державы (612 г. до н.э.), «изгнание киммерийцев из Азии» (ок. 600 г. до н.э.) и завершение мидийско-лидийской войны.

Окончание существования бийкенской культуры маркируют ранние памятники пазырыкского времени (Марсадолов, 2000), что может соотноситься с предшествующими событиями и с процессом образования державы Ахеменидов в Передней Азии (Савинов, 2002).

Происхождение рассматриваемой культуры раннескифского времени еще до конца не выяснено и является довольно сложной проблемой. В процессе археологического изучения памятников и интерпретации полученных данных в этом плане был сформулирован ряд объяснений, которые отражают разные подходы (Могильников, 1986; Суразаков, 1988; Тишкин, 1996, 2003, 2005; Кирушин, Тишкин, 1997; Молодин, 2000; Тишкин, Дашковский, 2003; и др.). Понятно, что бийкенская культура развивалась непосредственно на Алтае. Однако исходные компоненты до этого, по всей видимости, находились за его пределами. По крайней мере, памятники эпохи поздней бронзы, с которыми можно было бы их связать, в горах пока не обнаружены. Попытки «дотянуть» существование афанасьевской культуры эпохи энеолита–ранней бронзы до раннескифского времени выглядят в настоящее время некорректными (Тишкин, 2005).

Анализ семантики элементов погребальной практики бийкенской культуры позволил выявить ряд смысловых положений, вложенных в них древними людьми (Тишкин, Леонова, 2005). Эти представления имеют характерные особенности и находят параллели в китайской, индийской и индоиранской традициях. Проведенный сравнительный анализ свидетельствует о значительном сходстве реализованных в погребальном обряде бийкенской культуры мировоззренческих и религиозно-мифологических идей, зафиксированных в Упанишадах. Это не случайно, ведь время создания древнего памятника письменности приходится на раннескифский период.

В заключение параграфа рассмотрены немногочисленные радиоуглеродные датировки памятников бийкенской культуры, часть которых получена и представлена автором впервые.

2.2. Пазырыкская культура (скифо-сакское время): современные проблемы и их решения. В 1920–1950-е гг. с накоплением различных сведений археологи, в частности, М.П. Грязнов, С.И. Руденко, С.В. Киселев и др., стали высказывать и обосновывать свое понимание культурно-исторических процессов, происходивших на Алтае. Необходимо указать, что представленные тогда реконструкции, касавшиеся скифской эпохи, были построены преимущественно на материалах раскопок «элитных» погребальных комплексов (Пазырык, Туэкта, Башадар, Берель, Катанда, Шибе). Это связано с тем, что курганы рядовых кочевников почти не попадали в сферу интересов ученых, поскольку экспедиции ориентировались на изучение именно «царских» захоронений как наиболее информативных объектов. Ситуация стала серьезным образом меняться в 1960–1980-е гг. В это время в стране активно осуществлялись различные строительные проекты. Указанные обстоятельства привели к тому, что исследователи переклкнули свое внимание на захоронения основной массы кочевников. Такой подход позволил существенным образом увеличить количество источников. В данном направлении были предприняты специальные исследования академических и других учреждений ряда городов страны. Полученные обширные материалы позволили пересмотреть представления об этнокультурной ситуации на Алтае в скифскую эпоху. Общий анализ предложенных концепций и отдельных разработок уже предпринимался и отражен в научной литературе (Тишкин, 1994, 1996; Марсадолов, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003, 2004, 2005; и др.). Поэтому в данном параграфе изложены в основном дискуссионные проблемы (например, о выделении каракобинской культуры и локальных вариантов пазырыкской общности), а также представлена уточненная культурно-хронологическая схема и реконструкция этнокультурной истории в пазырыкское время. Обширная сводка памятников, составленная при участии автора, опубликована (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003).

Современный анализ основных элементов погребального обряда кочевников Алтая пазырыкского времени, зафиксированных в процессе археологических раскопок, уже позволил сделать ряд выводов (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004). Очередным итогом такой работы стала представляемая культурно-хронологическая схема изученных объектов 2-й половины VI–III вв. до н.э. Учитывая опыт предшественников и новые данные, обозначены следующие этапы **пазырыкской культуры** (Тишкин, Горбунов, 2005).

Башадарский этап датирован 2-половиной VI – 1-й половиной V вв. до н.э. Выделение его было намечено ранее (Суразаков, 1989; Савинов, 1991; Марсадолов 2000), а теперь закреплено и соответствующим наполнением. Начало формирования пазырыкской культуры связано с прихо-

дом нового этноса, который примерно в течение века освоил территорию Алтая, подчинил местные племена, ассимилировав оставшееся население. Своеобразным символом такого положения дел стали «царские» курганы, сооруженные в Центральном Алтае (памятники Башадар, Туэкта и др.). Смена культуры хорошо маркируется не только совершенно другим погребальным обрядом, но и отличным предметным комплексом. Правда, на этом этапе еще можно встретить использование пережиточных изделий раннескифского периода. Формирование и развитие пазырыкской культуры синхронизируется с созданием примерно в 550 г. до н.э. Ахеменидской державы. Походы царей этого государства способствовали подвижкам населения, хотя в общем ситуация в Передней Азии стабилизировалась. Окончание башадарского этапа связано с началом эпохи «сражающихся царств» (Чжаньго) в Китае, датируемой 453 г. до н.э.

Кызыл-джарский этап обозначен нами, чтобы не дублировать название культуры, так как важнейшее место при его характеристике занимают «царские» курганы, раскопанные на памятнике Пазырык. Более массовый материал из рядовых курганов ранних кочевников был получен В.А. Могильниковым при изучении нескольких курганных групп в урочище Кызыл-Джар. В настоящее время обработаны краниологические данные, позволившие получить интересные результаты (Тур, Рыкун, 2004), которые отражают реальности полиэтничной общности. На рассматриваемом этапе, датированном 2-половиной V – 3-й четвертью IV вв. до н.э., происходило дальнейшее развитие и расширение культуры, занимавшей важное место в регионе и контактирующей с цивилизациями Китая, Индии и Передней Азии. Свидетельствами этого являются многочисленные археологические находки, обнаруженные при исследовании могильников в разных районах Алтая. Около 330 г. до н.э. государство ахеменидов прекратило существование, а походы Александра Македонского содействовали изменению этнокультурной ситуации не только в Передней Азии и на сопредельных с нею территориях, но и в других регионах.

Созданная Александром Македонским держава распалась после его смерти в 323 г. до н.э. С этого времени отмечены «темные» периоды истории, о которых чрезвычайно мало информации. На Алтае выделенный *шубинский этап*, датированный последней четвертью IV–III вв. до н.э., является отражением данной ситуации. По всей видимости, «пазырыкцы» участвовали в различных военных кампаниях, которые проходили в указанный отрезок времени. Особенно ошутимое поражение племенам Южной Сибири было нанесено кочевой империей Хунну. Постепенная утрата могущества отразилась на этнокультурных процессах. На наш взгляд, с конца IV в. до н.э. происходило некоторое смещение ареала культуры на Северный и Северо-Западный Алтай, а после завоевания в конце III в. до н.э. Саяно-Алтая часть населения мигрировала в нескольких направлениях. Оставшиеся «па-

зырыкцы» были покорены и позднее утратили свою самобытность. Во II в. до н.э. на Алтай проникает новое население, сыгравшее главную роль в становлении новой булан-кобинской культуры.

Динамика развития материальной культуры пазырыкской общности продемонстрирована на таблицах в приложении. В данном случае предметный комплекс является индикатором происходивших изменений в I тыс. до н.э. Следует указать, что анализ материалов погребального обряда уже проводился и его результаты подробно опубликованы (Тишкин, Дашковский, 1997, 1998, 2003 и др.). Представленный в диссертации демонстрационный ряд соотнесен с имеющимися многочисленными радиоуглеродными и дендрохронологическими показателями, полученными при изучении образцов из разных объектов.

2.3. Булан-кобинская культура («гунно-сарматское» время): содержание и исторический контекст. Следует указать, что используемое в научной литературе обозначение «гунно-сарматский» не совсем удачно и особо не применимо для Алтая, хотя, по всей видимости, может употребляться при определенной доле условности. Хронологической границей между скифо-сакским и «гунно-сарматским» периодом Южной Сибири считается рубеж III и II вв. до н.э. (Степная полоса..., 1992). Окончание эпохи связывается с образованием Великого Тюркского каганата. В рассматриваемом плане было бы логично применять для наименования этого довольно большого хронологического промежутка более адекватное словосочетание – хуннуско-сяньбийско-жужанское время (Тишкин, 2004). Этот термин включает в себя название народов (хунну, сяньби, жужане/жуаньжуани), наиболее активно участвовавших в военно-политической и культурной жизни Азии во II в. до н.э. – V в. н.э. и оставивших заметный след в истории огромного региона.

Алтай являлся северной периферией таких кочевых империй, как Хуннская (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.), Сяньбийская (93–235 гг. н.э.) и Жужанская (359–552 гг. н.э.). Прекращение пазырыкской культуры отражает начало раннего этапа становления и развития новой общности. На наш взгляд, между ними нет прямой преемственности, основанной на автохтонном развитии. Хотя при формальном подходе можно отметить отдельные схожие черты. Тем не менее основные показатели археологических источников демонстрируют существенные отличия. Данные обстоятельства резко проявляются и в погребальном обряде, и в вещевом комплексе, что свидетельствует о начале совершенно других традиций. Реальные сопоставления данных обозначают радикальные изменения, произошедшие на огромной территории, и связаны они с сокрушительными походами хунну, в ходе которых этнокультурная ситуация стала иной по сравнению с предыдущей эпохой (Боровкова, 2005). Не на всех территориях результаты воздействия хуннского влияния были одинаковы, поэтому оценка реально зафиксированных исторических событий оказывается разной.

Прежде чем перейти к изложению результатов работы, автор подробно остановился на терминах, которые употребляются при изучении интересующего периода, а также на истории разработок культурно-хронологической схемы «гунно-сарматской» эпохи Алтая.

В диссертации использованы только доступные материалы из 36 погребальных памятников хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, на которых исследовано 696 могил (Тишкин, Горбунов, 2006). Сравнительный анализ признаков погребального обряда показывает их единую основу (Матренин, 2005), что свидетельствует о развитии на территории Алтая одной археологической культуры, которая уже обозначена как **булан-кобинская** (Мамадаков, 1990). Различия между отдельными памятниками по типам погребальных сооружений и способам захоронений не имеют массового характера и, вероятно, отражают участие различных этнокультурных компонентов в процессе формирования и длительного существования общности. Географически археологические комплексы булан-кобинской культуры составляют несколько обособленных, но не изолированных групп, что связано со сложным ландшафтом Алтая.

Типологический анализ инвентаря из булан-кобинских памятников позволяет выделить среди них три хронологические группы, каждой из которых соответствует определенный типовой набор вещей. Эти группы памятников могут быть соотнесены с тремя последовательными этапами в развитии булан-кобинской этнокультурной общности. Синхронизация их с известными историческими событиями, которые имели место в Центральной Азии и Южной Сибири, помогает понять причины изменений, происходивших в материальной культуре населения Алтая, и направления контактов. Для более адекватного уяснения процедуры проведенной работы и полученных результатов в диссертации продемонстрирован алгоритм исследовательской практики на примере анализа материалов раннего этапа. Данные сведения представлены в развернутом виде для того, чтобы объективно отразить выделение данного явления в булан-кобинской культуре. Этому способствовали материалы, полученные автором на памятнике Яломан-II лишь частично введенные в научный оборот. В диссертации они представлены полностью и отражены в каждой выделенной категории наиболее типичного инвентаря.

К *усть-эдиганскому этапу* (II в. до н.э. – I в. н.э.) относятся могильники Усть-Эдиган, Сары-Бел, Чендек (восточная группа), Яломан-II (западная группа), Пазырык (к. №23, 24, 42). Среди надмогильных сооружений преобладают небольшие каменно-земляные насыпи округлой, реже подпрямоугольной формы, с обозначенной крепидой из более крупных камней. На могильном поле курганы образуют подобие тесных параллельных цепочек. Под насыпями находятся грунтовые могильные ямы, в большинстве которых сооружены каменные ящики из массивных плит;

реже встречаются деревянные или комбинированные (каменно-деревянные) внутримогильные конструкции. Способы погребений представлены одиночной ингумацией в сопровождении верхового коня и без него, кенотафами (с конем и без), а также захоронениями одной лошади. Умершие расположены либо на боку с согнутыми ногами, либо вытянуто на спине. Выделяются два направления ориентации погребенных: в западный и восточный секторы, с общим преобладанием последнего. Ориентация людей и сопровождающих их коней совпадает. Лошади располагаются на боку, на перекрытии ящика, со смещением в ноги человека. Гораздо реже они лежат параллельно человеку за длинной стенкой внутримогильной конструкции (Худяков, Скобелев, Мороз, 1990).

Инвентарь из памятников усть-эдиганского этапа весьма разнообразен. Оценивая в целом типовой набор предметов, необходимо отметить сочетание в нем нескольких основных культурно-хронологических групп вещей. Первая отражает окончание предшествующих традиций скифского времени. Вторая, самая многочисленная, целиком базируется на материальной культуре хунну. Третья представляет собой влияние культур сарматского и в большей степени среднеазиатского (раннекушанского) круга. Можно говорить о становлении и собственно булан-кобинской культурной традиции. Выделенные группы вещей в наборе инвентаря при сравнении с данными погребального обряда отражают участие различных компонентов в формировании булан-кобинской культуры.

Этнокультурные процессы, которые привели к сложению на территории Алтая новой общности, невозможно объяснить без оценки политической ситуации в центрально-азиатском регионе. В конце III в. до н.э. произошли важные изменения, обусловленные созданием сильной державы, возглавляемой хунну (209 г. до н.э.). Уже в 201 г. до н.э. шаньюй Модэ завоевал северные области Центральной Азии, включая Северную Монголию, южные районы Прибайкалья и Забайкалья, а также Южную Сибирь. К середине II в. до н.э. (165 г. до н.э.) хунну окончательно подчинили западные земли центрально-азиатского региона, вытеснив оттуда наиболее сильных своих противников (юэчжей). Жизнь булан-кобинского населения на усть-эдиганском этапе протекала под эгидой подчинения империи Хунну. Эта зависимость могла усиливаться или ослабляться под влиянием конкретной политической ситуации. Например, после 123 г. до н.э., когда хунну перенесли свою ставку в Северную Монголию – она могла возрасти, а после 56 г. до н.э. и 48 г. н.э., когда происходили расколы хунну на северных и южных, – она могла на время становиться формальной.

В конце I в. н.э., когда северные хунну потерпели поражение от сяньби (93 г. н.э.) и утратили свое господство в большей части Центральной Азии, земли Алтая оказались в сфере влияния победителей. Это определило начало нового этапа в развитии булан-кобинской культуры. Обозна-

чен он как *бело-бомский* (II в. н.э. – 1-я половина IV в. н.э.) по названию памятника Белый Бом-II, который исследовался экспедициями АлтГУ (Глоба, 1983; Мамадаков, 1990). Анализ материалов проводился таким же образом, что и при обосновании усть-эдиганского этапа. Описание данной процедуры занимает много места, поэтому лишь кратко охарактеризованы имеющиеся показатели, а само содержание предметного комплекса представлено в таблицах, которые размещены в приложении и последовательно демонстрируют вооружение, снаряжение человека и верхового коня, орудия труда и предметы быта, украшения костюма. Основная проблема при характеристике бело-бомского этапа заключалась в том, что памятники Булан-Кобы-IV, Бош-ту и Айрыдаш-I, раскопанные соответственно Ю.Т. Мамадаковым (1990) и А.С. Суразаковым (1990, 2002) до сих пор полностью не введены в научный оборот. Этнокультурная ситуация на сопредельных с Алтаем территориях представлена на карте-схеме в приложении.

Следующий *верх-уймонский этап* (2-я половина IV в. н.э. – 1-я половина V в. н.э.) обозначен по наиболее хорошо изученному памятнику Верх-Уймон, раскопанному в верховьях Катуня (Соенов, Эбель, 1992). Кроме него, имеется довольно представительная группа могильников, исследованных в разных районах Алтая (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161). Отраженные в приложении материалы демонстрирует завершающий этап изучаемой культуры, который соотносится со временем существования Жужанского каганата. Имеющихся материалов достаточно для проведения этнокультурных, социальных и мировоззренческих реконструкций, для восстановления страниц военно-политической истории, для понимания системы жизнедеятельности людей и их знаний в различных сферах деятельности. В этом плане важное место будет занимать соотношение письменных сведений и археологических данных. Весь объем наработок позволит уточнить периодизацию булан-кобинской культуры и наполнить конкретным содержанием каждый из этапов. В связи с этим в диссертации представлена краткая историческая канва событий в центрально-азиатском регионе в хуннуско-сяньбийско-жужанское время, что позволяет понять изменения в облике культуры Алтая и обозначение основных этапов ее развития.

В заключение параграфа приведены все имеющиеся результаты радиоуглеродного датирования булан-кобинских памятников Алтая. Большая часть их получена автором диссертации. Следует указать, что еще предстоит огромная работа по изучению «гунно-сарматского» времени, что в определенной мере будет способствовать и решению проблемы формирования тюркской культуры.

Глава III. Алтай в эпоху раннего и развитого средневековья (поздний железный век)

3.1. Тюркская культура: процессы формирования и этапы развития. Рассматриваемую культуру большинство исследователей именуют «древнетюркской». На наш взгляд, ее правильнее называть «тюркской», поскольку такой этнос существовал только в период раннего средневековья. В отечественной литературе традиция использования термина «древнетюркский» связана с известным ученым В.В. Радловым (1989). В работах Л.П. Потапова (1953), С.Е. Малова (1951), А.Н. Бернштама (1946), Л.Н. Гумилева (2002) и других исследователей широко применялось такое понятие по отношению к культуре, письму, языку, времени, эпохе, изваяниям и т.д. При этом А.А. Гаврилова (1965) совершенно справедливо характеризовала изученные захоронения на памятнике Кудыргэ тюркским временем или периодом тюркского господства. В данном параграфе представлены практически все имеющиеся точки зрения на понимание рассматриваемого явления.

В настоящее время существует несколько взглядов на процессы формирования тюркской культуры, тюркского этноса и тюркской системы государственности (Гумилев, 2002; Воробьев, 1994; Кычанов, 1997; Гуркин, 2000; Жумаганбетов, 2003; Кляшторный, Савинов, 2005; и мн. др.). В отечественной историографии считается, что в середине VI в. империя жуань-жуаней рухнула под ударами тюрков, а на ее обломках возник I Тюркский каганат (552–630), объединивший большое количество разнотнических племен Алтая и Центральной Азии (Могильников, 1981, с. 29).

Многие исследователи, занимающиеся изучением тюрков, ссылаются на хорошо датированное событие, связанное с переселением на Алтай племени ашина в 460 г. Приводятся и другие данные (Жумаганбетов, 2003). По мнению Л.Н. Гумилева (2002, с. 27), древние тюрки (туцзюэ, тюркюты) изначально представляли небольшой народ (500 семей), возникший «...из смешения разных родов...» и обитавший в западной части Шэньси. Они получили свое название от имени первого вождя (Гуркин, 2000). В 439 г. «...тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй», а племя Ашина вынуждено было бежать к жуань-жуаням и поселиться по южную сторону Алтайских гор, занимаясь обработкой железа (Гумилев, 2002, с. 27). Такое сообщение Суй шу связывает историю племени ашина с историей позднехуннских государств, существовавших на территории Китая в 308–460 гг. (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 78–79).

С.Г. Кляшторный (1992) считает, что жуань-жуани переселили племя Ашина из Гаочана (Восточного Туркестана). Именно на Алтае, по мнению исследователя, с течением времени вокруг него сложился союз десяти, а затем двенадцати племен, получивший название «тюрк». Начиная со 2-й половины VI в. термин «тюрк» стал также обозначаться в чисто поли-

тическом смысле, как фиксация принадлежности различных кочевых племен к созданной державе. В таком значении он употребляется в письменных источниках (Кляшторный, Савинов, 1994, 2005). При изучении ранней истории тюрков важным является учет сведений о телеских племенах (Кюннер, 1961; Бичурин, 1998), предки которых, согласно китайским источникам, были потомками хунну (Гуркин, 2000). Д.Г. Савинов (1984) подробно рассмотрел отношения между этими двумя этнокультурными группировками, напомнив важную фразу Н.Я. Бичурина (1950) о том, что силами теле тюрки «геройствовали в пустынях севера».

Для решения проблем начальной фазы этногенеза любого народа важным является определение территории его формирования. Правильная идентификация места сложения новой общности дает ключ к пониманию многих процессов, связанных как с исходными компонентами, так и с последующими показателями ее развития во времени и пространстве. В истории тюрков данная проблема по-прежнему остается актуальной (Горбунов, Тишкин, 2002). Ранее к ней обращались многие ученые. Они главным образом решали задачу первоначальной локализации тюрков путем анализа письменных источников. Суммируя позиции исследователей, можно заключить, что большинство из них считало Алтай в качестве области образования тюрков: Н.Я. Бичурин, Н.А. Аристов, С.В. Киселев, А.Н. Кононов, С.Г. Кляшторный, Л.Н. Гумилев, С.П. Нестеров, В.А. Могильников. Кроме этого, к указанному региону присоединялись западные земли (Ю.А. Зуев) или представлялось возможным включение восточных районов (С.В. Киселев). Формирование тюрков вне Алтая рассматривалось Д.Г. Савиновым. Южные отроги Монгольского Алтая чаще всего фигурируют в качестве возможного ареала расселения ранних тюрков. Гораздо реже называется Горный Алтай (Горбунов, Тишкин, 2002).

Поскольку появление новых письменных источников по этой теме в ближайшем будущем маловероятно, на наш взгляд, дальнейшее решение обозначенной проблемы возможно в основном за счет изучения археологических памятников V–VI вв. н.э. Центральной Азии и прилегающих территорий. К настоящему времени наиболее исследованными для указанного периода являются комплексы Южной Сибири. Из них пока только в Горном Алтае могут быть выделены самые ранние объекты **тюркской культуры**, датировка которых определяется 2-й половиной V – 1-й половиной VI вв. н.э. К ним относятся смежные или отдельные, округлые либо прямоугольные оградки, в части которых обнаружены захоронения лошадей в грунтовых ямах и ящики с инвентарем, а также стелы и ряды балбалов. Такие объекты зафиксированы на следующих памятниках: Кызыл-Таш, Усть-Карасу, Кара-Коба-I, Кудыргэ, Кок-Паш, Мендур-Соккон-I, Сары-Кобы, Булан-Кобы-IV, Бичинег и др. Отметим курганы с погребениями людей в сопровождении коня в грунтовой яме, преимуществен-

но с восточной ориентацией умершего и аналогичной (или противоположной) ориентировкой животного. Есть захоронения с одиночной ингу-мацией, кенотафы и ритуальные объекты с инвентарем на уровне древне-го горизонта. В круг обозначенных памятников входят такие комплексы: Яконур (к. №5, выпуск.), Усть-Бийке-III (к. №5 и 6), Тыткескень-VI (к. №5), Узунтал-I (к. №1), Усть-Карасу, Верх-Еланда-I (к. №4), Нижняя Сору; Орок-той, Кок-Паш (к. №1 и 2), Боротал (к. №82) и др. (Тишкин, Горбунов, 2005). Инвентарь исследованных памятников в рамках одного комплекса содер-жит как предметы, характерные для предшествующего времени (двудыр-чатые стержневидные и Г-образные псалии; большие витые кольчатые псалии; различные звенья и зажимы для крепления узды и повода к пса-лиям и удилам; круглые бляхи-накладки с умбоном; наконечники стрел с раздвоенным или втульчатым насадом и ярусным пером; вотивные моде-ли мечей и копий; пряжки со шпеньком; крючки с поперечной планкой), так и совершенно новые вещи (стремена; тройники с зажимами; цурки; неподвижнощитковые пряжки с подвижным язычком; пряжки-крючки; прямоугольные бляхи-накладки; наконечники стрел крупных пропорций с новыми четырех-пятиугольными формами пера; более короткие на-кладки на лук и комплекты только из срединных накладок). Большая часть изделий первой группы уже неизвестна на кудыргинском этапе тюркской культуры, а вещи второй группы, напротив, получают в ней дальнейшее развитие. Можно отметить еще один выявленный индикатор. В конскую амуницию выделенного раннего *кызыл-ташского этапа* входит только одно стремя, в то время как в последующем их всегда два (Горбунов, Тишкин, 2002; Тишкин, Горбунов, 2005).

Отсутствие аналогичных памятников на сопредельных территориях позволяет говорить о приходе на Алтай примерно во 2-й половине V в. н.э. нового населения, под воздействием которого произошли серьезные изменения в культуре аборигенов. Такой группой мигрантов могло быть только племя ашина. Согласно письменным источникам, этот народ сла-вился своими кузнецами, которые занимались выплавкой железа. Данный факт требует определенных подтверждений. В пределах Алтая исследо-ван крупный Чуйско-Курайский металлургический район, где известно 32 памятника черной металлургии, датируемых периодом раннего сред-невековья, на 10 из которых раскопано 15 железоплавильных печей (Зи-няков, 1988). Такие данные указывают на благоприятные места для дея-тельности кузнецов-ашина и согласуются с трактовкой Н.А. Аристова (2001, с. 140) о расселении части тюркских племен в бассейне р. Чуи.

В 1966 г. Л.П. Потапов высказал идею о том, что накопленные к тому времени материалы уже позволяли ставить вопрос о преемственной этно-генетической связи культуры тюрков и «кочевников гуннского времени» (Савинов, 2005, с. 186–187). Развитие этой мысли нашло отражение в

публикациях Д.Г. Савинова (1984, 1987, 1994, 2005). Генетическая связь погребальных комплексов булан-кобинской культуры с аналогичными объектами тюрок, на наш взгляд, несомненна. Следовательно, именно полиэтничное «булан-кобинское» население составило местный компонент новой общности, принявшей вскоре после 460 г. самоназвание «тюрок». Памятники тюркской культуры на других территориях датируются со 2-й половины VI в. н.э., что напрямую связано созданием Великого Тюркского каганата (552–603 гг.).

Представленная в этом параграфе диссертации схема поэтапного развития тюркской культуры уже предварительно рассматривалась в совместных работах автора с В.В. Горбуновым (Тишкин, Горбунов, 2002, 2003, 2005; Горбунов, Тишкин, 2002, 2003), а также прошла апробацию на ряде конференций. В диссертации она наполнена иллюстративным материалом, размещенном в приложении.

Кудыргинский этап уже ранее был обозначен целым рядом исследователей (Гаврилова, 1965; Савинов, 1987; Овчинникова, 1990; и др.). Он отражает не только хорошо заметные изменения в материальной культуре тюрок Алтая, но и события военно-политической истории Евразии, связанные с образованием и существованием I Тюркского каганата. Успешные походы и непрерывные завоевательные войны этой державы способствовали существенному расширению территории. В результате Тюркский каганат включился в систему политических и экономических отношений крупных государств того времени, контролируя торговый путь, связывающий Дальний Восток со странами Средиземноморья (Кляшторный, Савинов, 2005). Однако с 581 г. наметился раздел первой евразийской империи кочевников (Кычанов, 1997). Это было связано с возникшим острым кризисом политического, экономического и экологического характера. К 603 г. окончательно завершился распад каганата на Западный (Западно-тюркский) (604–657 гг.) и Восточный (Восточно-тюркский) (604–630 гг.). Алтай оказался в составе последнего. В 617 г. в Китае началась эпоха Тан. Новая династия, придя к власти, разорвала в 619 г. договор с тюрками, но через семь лет она была вынуждена признать себя вассалом кочевников (Воробьев, 1994). Ситуация изменилась в 630 г., когда решительное наступление войск Тан привело к краху Восточно-тюркского каганата (Гумилев, 2002; Воробьев, 1994). В 658 г. в зависимость от Китая попали и западные тюрки (Кычанов, 1997). Окончание кудыргинского этапа связано с пребыванием на Алтае в 630–650 гг. орды Чабыш-кагана (Чеби-хана), о чем вроде достоверно свидетельствуют письменные источники (Гумилев, 2002; Савинов, 1984, с. 48–49) и имеются подтверждения в археологических материалах (Кубарев Г.В., 2005). В 649 г. китайцы предприняли военный поход, в ходе которого самопровозглашенный каган оказался взятым в плен, а его подданные были переселены. По мнению Г.В. Кубарева (1998, с. 291), все же большая часть их осталась на Алтае.

Кудыргинский этап тюркской культуры представлен хорошо известными погребальными и «поминальными» памятниками, которые датируются 2-й половиной VI – 1-й половиной VII вв. н.э.: Кудыргэ (к. №1–13, 15, 18, 22–26), Кара-Коба-I (к. №1 и 8), Катанда-3 (к. №11), Курота-I, Жана-Аул, Тьткескень-VI (к. №10), Алагаил, Курай-VI, Уландрык-I и III, Нижняя Сору, Яломан-VII, Макажан, Ян-Гобо и др. (Тишкин, Горбунов, 2005). Именно в них найдены те материалы, которые демонстрируют специфику дальнейшего развития сформировавшихся тюркских традиций. Вполне естественно, что предметный комплекс на кудыргинском этапе сохранил многие типы вещей предыдущего времени. Однако из его состава, за редким исключением, уже исчезли изделия, характерные для булан-кобинской культуры. Наряду с этим появились новые виды и формы предметов: мечи с напускным перекрестием, псалии со скобой, орнаментированные накладки на луки седел, поясная и уздечная гарнитура так называемого геральдического стиля, серьги и подвески с каплевидным выступом, кресала. Некоторые изделия кызыл-ташского облика могли еще использоваться в кудыргинское время (например, пластинчатые стремена с Т-образной подножкой).

Следующий *катандинский этап* (2-половина VII – 1-я половина VIII вв.) отражает возрождение тюркской культуры и ее господство в центрально-азиатском регионе, что связано с периодом существования Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.), образование которого провозгласил Гудулу – предводитель восставших против Китая тюркских племен (Воробьев, 1994). Несмотря на то, что центр каганата располагался далеко, Алтай входил в его состав. При Капаган-кагане, который правил с 691 по 716 г., отмечен наивысший подъем военно-политического могущества державы (Кляшторный, Савинов, 2005). После гибели предводителя и возникшего кризиса власти из-за восстания огузов в 716 г. знаменитый Кюльтегин все же смог объединить старые племена тюрок и поставить во главе их своего брата (Воробьев, 1994; Кляшторный, Савинов, 2005). О бурных событиях каганата в период правления Бильге рассказывается в рунических надписях (Войтов, 1996; Баяр, 2004). После смерти Кюльтегина (731 г.) и Бильге-кагана (734 г.) ситуация в империи недолго оставалась стабильной. В 741 г. началась настоящая гражданская война (Воробьев, 1994). В 744 г. династия Ашина окончила свое существование. После падения Второго Восточно-тюркского каганата наследниками тюркских владений в 745 г. стали уйгуры (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 110–111).

На рассмотренный период приходится наибольшее количество исследованных на Алтае памятников тюркской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 162): Катанда-II (к. №2–4 (1865 г.), №1 (1925), №5 (1954)), Катанда-3 (к. №1–7, 16, 21, 22), Боротал (к. №6, 50–51), Тьткескень-VI (к. №1), Балык-Соок-I (к. №11); Большой Яломан-II (к. №4), Кара-Коба-II (к. №22, 25, 47, 72, 74-А,

85); Кара-Коба-II, Шибе; Бике-I, Горно-Алтайск, Тянгис-Тыт; Усть-Чоба-I, Чоба-7, Чобурак-I (к. №1), Ак-Алаха-I, Бертек-34, Кальджин-8, Коо-II, Ак-Кообы, Барбургазы-II, Узунтал-V, Курай-V и VII, Талдуаир-I, Талдура-I, Юстыд-V и XII, Кырлык, Урочище Балчикова-3, Бажынты, Ябоган-I, Большой Курманак-I, Кыпчыл, Малталу, Чадыр, Юстыд, Согонолу, Талдура-I и др. Катандинский этап характеризуется дальнейшими изменениями в материальной культуре тюрков. В это время появились однолезвийно-двухлезвийные мечи, боевые топоры, удила с 8-видными внешними окончаниями, псалии S-видной формы, стремена с более широкой подножкой и высоким пластинчатым ушком, подпружные пряжки с сердцевидной рамкой. Значительно преобразилась поясная и уздечная гарнитура. В первой доминировали четырехугольные и сегментовидные бляхи с прямой прорезью, а также изделия сердцевидных форм. Во второй преобладали накладки лепестковых форм, появились налобные бляхи и цельные трехлучевые распределители. Среди бытовых предметов получили распространение металлические сосуды-кубки, оформленные наверхия стеков, кочедыки, кресала с волотовидными краями. Изменился облик ряда украшений. Многие изделия предыдущего времени вышли из обихода, не использовалась гарнитура в «геральдическом» стиле.

Выделенный *туэктинский этап* (2-я половина VIII – 1-я половина IX вв.) отражает специфику развития тюркской культуры на Алтае. Он связан со временем существования Уйгурского каганата. Данная ситуация находит отражение в исследованных памятниках, которых пока изучено немного (Тишкин, Горбунов, 2005): Катанда-II (к. №2 (1925); Курай-II (к. №2, 4), Курай-III (к. №1, 6), Большой Катандинский курган (впуск. мог. №1–3 (1954)), Туэкта (к. №4 (1935), к. №1, 3, 7, 9 (1937)), Дялян, Джолин-I, Узунтал-VI и VIII, Юстыд-XXIV, Кер-Кечу, Сары-Коба-II. Уйгуры всегда стремились освободиться от власти тюрков, и это им удалось после восстания в 742 г. В 745 г. вождь Пэйло провозгласил себя каганом (Воробьев, 1994). С этого события начался период Уйгурского каганата (745–840 гг.), созданного на бывших землях тюрков. Правда, Пэйло удалось за два года расширить свою державу. Несмотря на поражение, тюрки остались на Алтае и в других ближайших регионах. Отмечается локальное развитие их культуры. В 750–751 гг. уйгуры завоевали Туву (Кычанов, 1997). В 758 г. они покорили кыргызов (Воробьев, 1994). В ходе военной активности уйгуров часть тюрков из гор переселилась на территорию лесостепей и приняла участие в сложении сродкинской общности (Тишкин, Горбунов, 2002, 2005). По мнению Г.В. Кубарева (1998, с. 292–293), «...тюрки Российского Алтая не входили в состав Уйгурского каганата...», и «...собственно уйгурских памятников (захоронений, изваяний, надписей) на Алтае не известно...».

Проанализированные материалы из раскопанных памятников туэктинского этапа свидетельствуют, что вещи «катандинского» облика еще сохраняли господствующее положение. Однако можно выделить ряд особых

элементов в оформлении предметов и новые виды изделий, которые и позволяють зафиксировать различия комплексов. Среди инноваций отметим трехгранно-трехлопастные наконечники стрел, слабоизогнутые сабли, железные накладкы на луки седел, поясные бляхи с порталными вырезами и фигурно-скобчатой прорезью, «лировидные» подвескы, кресала с пряжками. Уже не использовались сложносоставные луки с концевыми накладками, кольчатые витые псалии и стремена с узкой подножкой.

В рассматриваемое время между Китаем и Уйгурским каганатом установились стабильные отношения. Каган уйгуров признавал себя вассалом императора (Кычанов, 1997). В 766–767 гг. к уйгурам проникла новая вера – манихейство. В 818 г. восстали кыргызы, и их предводитель объявил себя ханом (Воробьев, 1994). Уйгурский каганат не смог подавить восстание. В 840 г. уйгуры потерпели окончательное поражение от кыргызов, которые, преследуя бежавших противников, совершили ряд походов на запад и восток. В середине IX в. Кыргызский каганат занимал территорию от Иртыша до Селенги и Большого Хингана и от пустыни Гоби до Ангары (Кычанов, 1997). В «эпоху великодержавия» Кыргызского каганата (840 – около 950 гг.) тюркы Алтая оставались на особом положении. По мнению исследователей, с которыми стоит согласиться, их зависимость от кыргызов была номинальной (Кубарев Г.В, 1998).

Первый период относительной зависимости от Кыргызского каганата соотносится с *курайским этапом* тюркской культуры. Он датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X вв. В это время отмечается интеграция культуры тюрков с культурой господствующего этноса, что отразилось в следующих раскопанных памятниках Горного Алтая (Тишкин, Горбунов, 2005): Курай-II (к. №3), III (к. №2) и IV, Туэкта (к. №1, 3 (1935), к. №2, 4 (1937)), Яконур (к. №3), Узунтал-I (к. №2), Беш-Озек, Бертек-27, Бойтыгем-IV и др. На курайском этапе хорошо отмечаются особенности, которые соответствует указанной военно-политической обстановке. Это заключается в том, что тюркская культура сохранила многие предшествующие элементы, но вместе с тем появились и весьма существенные новшества. В захоронениях найдены массивные боевые топоры с низким обухом, удила с витыми звеньями и перпендикулярными 8-видными внешними окончаниями, стремена с приплюснутым петельчатым ушком, поясная и уздечная гарнитура с растительным и зооморфным орнаментом «кыргызского» стиля, металлические сосуды-кубки с надписями, железные котлы.

Следующий период существования тюркской культуры (2-я половина X–XI вв.) в рамках Кыргызского каганата связан с постепенным ослаблением и распадом державы на отдельные княжества. Данная ситуация находит реальные подтверждения в археологическом материале, обнаруженном в захоронениях выделенного *балтарганского этапа*, который характеризуется угасанием тюркских традиций в материальной культуре.

Из новых предметов в то время появились однолопастные наконечники стрел, удила с гладкими кольчатыми псалиями, стремена со слабовыделенным пластинчатым ушком, наносные султанчики, уздечная гарнитура с растительно-геометрическим орнаментом «сросткинского» стиля. Украшения «туэктинского» и «курайского» облика уже не встречаются, а катадинские изделия представлены единичными находками.

Приведенная выше периодизация тюркской культуры, несмотря на ряд новых моментов, все же базируется на исследованиях предшественников и опыте их культурно-хронологических разработок. В этом плане стоит указать уже неоднократно отмеченную монографию А.А. Гавриловой (1965) и работы Д.Г. Савинова (1982, 1984, 1994 и др.). Дальнейшее накопление материалов позволит проверить или дополнить намеченные тенденции.

В заключение параграфа рассмотрена проблема использования радиуглеродного метода при датировках комплексов тюркской эпохи.

3.2. Кыргызская культура: локальные и хронологические особенности. Эпоха «великодержавия» (термин введен В.В. Бартольд) Кыргызского каганата датируется 840 – около 950 гг. и связана с целым рядом военно-политических событий, в которые были вовлечены народы Южной Сибири. Археологических памятников «культуры енисейских кыргызов» этого времени на Алтае зафиксировано немного, что является отражением специфики этнокультурной ситуации (Худяков, 1990, 1995). По мнению Л.Р. Кызласова (1969), Алтай был завоеван кыргызами в IX в., хотя местные тюркские племена продолжали проживать на своих местах. Существует и несколько иная интерпретация этнополитической ситуации на Алтае в период образования и существования Кыргызского каганата. Она отмечена в предыдущем параграфе. В исследованных немногочисленных памятниках кыргызов отражено в основном военное присутствие. Эти объекты расположены не только по окраине каганата, но в других областях региона.

Меньше зафиксировано захоронений в период распада Кыргызского каганата на отдельные княжества (Тишкин, Горбунов, 2005). Ю.С. Худяков (1990, с. 193) называет период XI–XII вв. эпохой сууктэр. По его мнению, кыргызское владычество на Алтае завершилось в начале XIII в., т.е. после завоевания монголами (Худяков, 1990, с. 195).

Имеющиеся в настоящее время данные позволяют рассмотреть ряд вопросов, связанных с изучением обнаруженных и исследованных объектов, которые отличаются от тюркских и других комплексов. Краткая история изучения кыргызских курганов на Алтае уже рассматривалась (Худяков, 1990; Могильников, 2002; и др.). На территории Горного Алтая и в предгорьях исследованы памятники эпохи средневековья, в которых зафиксированы захоронения с обрядом «трупосожжения на стороне». Одна часть из них отнесена к кыргызской культуре (Худяков, 1990; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 163), а другая – к сросткинской общности (Неверов,

Горбунов, 2001, с. 176). В связи с существующей проблемой культурно-хронологической идентификации таких погребений в диссертации приведен перечень основных памятников с объектами отмеченной особенности. Важной стороной такого представления стала возможность адекватного понимания процессов взаимодействия кочевников разных природно-ландшафтных зон Алтая в эпоху раннего средневековья, о чем уже высказаны отдельные предположения и умозаключения (Алехин, 1990; Савинов, 1998; Неверов, Горбунов, 2001; Могильников, 2002; Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005; и др.).

В истории раннесредневекового населения Горного Алтая кыргызский период является пока слабо изученным (Суразаков, 2002). Это связано с тем, что на рассматриваемой территории пока исследовано небольшое количество памятников, которые отражают специфический погребальный обряд, отличавшийся от тюркской традиции. Кроме того, рассматриваемый регион являлся периферией Кыргызского каганата. Изучение каждого нового объекта кыргызской культуры представляет большую научную значимость для реконструкции этнокультурных и этногенетических процессов, протекавших в Южной Сибири и Центральной Азии. По мнению Ю.С. Худякова (1990, 2001), первым, кто попытался рассмотреть «кыргызские черты» в раскопанных на Алтае памятниках, был С.В. Киселев (1949), которого поддержал Л.П. Потапов (1953). Затем такие исследования стали более или менее систематическими.

Основная концепция по периодизации культуры енисейских кыргызов представлена в работах Д.Г. Савинова (2005, с. 257–262), который выделил основные этапы ее развития. Горный Алтай рассматривается в качестве алтайского локального варианта культуры в эпоху «Кыргызского великодержавия» (Савинов, 2005, с. 269–270).

Ю.С. Худяков (1990), основываясь на немногочисленных материалах, опубликовал схему эволюции кыргызской культуры на Алтае. Он выделил два периода: эпоха великодержавия (IX–X вв., памятники – Яконур (к. №1, 4) и Узунтал-ХШ) и эпоха сууктэр (XI–XII вв., памятники – Ак-Таш и Куюх-Танар). Данная периодизация базировалась на анализе предметного комплекса. Сведения о пребывании кыргызов на Алтае в целом ряде работ изложены Ю.С. Худяковым (1991, 1993, 1995, 1996 и др.). Расширение круга находок из кыргызских памятников Алтая позволило Ю.С. Худякову (2001) еще раз вернуться к рассмотрению предметного комплекса XI–XII вв. В результате был сделан вывод о том, что вещи типичны для кыргызской культуры по всей территории ее распространения в указанное время (Худяков, 2001, с. 170). Несмотря на относительную немногочисленность памятников кыргызов на Алтае, тем не менее приведенные данные позволяют определить основные тенденции изучения обозначенной в диссертации проблематики. Имеющиеся в настоящее время на Алтае материалы

кыргызской культуры позволили наметить два этапа ее развития (Тишкин, Горбунов, 2002, 2005): **яконурский** (2-я половина IX – 1-я половина X вв.; памятники – Яконур (к. №1–Е, F, G), Узунтал-XIII, Кара-Коба-I (к. №31, 47), Бийке (к. №21), Коргон (к. №8), Чинета-II (к. №10–13), Кок-Эдиган; Бажынты) и **ак-таишский** (2-я половина X–XI вв.; памятники – Ак-Таш (к. №9, 27), Яконур (к. №4), Усть-Кан, Чинета-II (к. №1, впуск.), Куях-Танар, Усть-Кан, Кам-Баин). Данная схема базируется на всех имеющихся в настоящее время материалах и учитывает высказанные ранее точки зрения.

Относительно гипотез современного кыргызского этноса существует целый ряд концепций (Худяков, 2001), которые опубликованы в многочисленных изданиях. Данный вопрос в диссертации не рассматривался.

Долгое время по кыргызскому периоду не было результатов радиоуглеродного датирования, что имело объективные причины. В настоящее время такие данные получены автором диссертации.

3.3. Культура населения в монгольское время: выявление археологических памятников и результаты их изучения. Актуальной задачей современных исследований является изучение этнокультурных процессов, произошедших на территории Евразии в результате создания Монгольской империи, а также после разделения ее на ряд самостоятельных улусов. Несмотря на имеющиеся письменные источники, за рамками исторического повествования остаются периферийные области таких держав. Алтай в этом плане не является исключением. Главными источниками для реконструкции этнокультурного развития населения рассматриваемого региона в монгольское время (XIII–XIV вв.) выступают немногочисленные материалы, полученные в ходе археологических исследований.

Разработанная система анализа археологических данных о средневековых кочевниках (Гаврилова, 1965; Федоров-Давыдов, 1966; Иванов, Кригер, 1988; и др.) существенным образом повлияла на решение ряда этнокультурных и этнополитических проблем. Полученная информация позволила наметить локально-территориальные группы с определенным набором общих и особенных признаков на довольно обширной территории (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002). Эти данные отражают процесс вовлечения многих народов в ходе завоевательных походов на запад, осуществленных центрально-азиатскими кочевниками, либо действительно свидетельствуют о вынужденной миграции определенной части населения в результате сложной военно-политической обстановки (Татаро-монголы..., 1970).

В.А. Могильников (1981), основываясь на небольшом количестве археологических материалов из раскопанных памятников Сибири, Казахстана и Средней Азии, полагал, что включение в состав Золотой Орды огромных степных пространств и господство там монголов, особо не изменило этнокультурный облик отмеченной территории. Рядовые представители завоевателей, вступая с местными народами в контакт, раство-

рились в их среде. В связи с этим В.А. Могильников указал на невозможность выделения памятников собственно монголов. С накоплением материалов сделанные выводы корректируются. Особенно это касается выявления курганов с захоронениями монголов в Приобье и на других территориях (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002).

Материалы из Горного Алтая рассмотрены В.А. Могильниковым (1981) в рамках источников, приведенных А.А. Гавриловой (1965). Исследователю на основе привлеченных данных удалось обозначить ряд важных моментов. Во-первых, отмечено то, что памятники XIII–XIV вв. достаточно обширной территории «...имеют ряд общих элементов культуры, особенно в области вещевого инвентаря, большое единообразие которого... обусловлено монгольскими завоеваниями...». Во-вторых, указывается на имевшуюся специфику погребального обряда у населения разных районов, отражающую отличия этнических групп. Кроме этого, В.А. Могильников (1981, с. 194) отдельно остановился на термине «памятники часовенногорского типа», введенном А.А. Гавриловой, определив это понятие условным и равнозначным словосочетанию «памятники монгольского времени». О том, что термин «часовенногорский тип» могил «не вполне удачен», указал Д.Г. Савинов (1994), который в общем подтвердил и другие выводы В.А. Могильникова, отметив при этом, что с XIII в. ориентация погребенных «...является важным хронологическим и культурно-дифференцирующим признаком». С этим стоит согласиться при изучении памятников Горного и Лесостепного Алтая. Имеется еще несколько показательных рассуждений и зафиксированных наблюдений этнокультурного характера, которые сформулированы Д.Г. Савиновым (1974, 1979, 1987, 1994 и др.).

Автором диссертации были проанализированы сведения о жизни кочевников в монгольское время, зафиксированные известными путешественниками XIII в. Джованни дель Плано Карпини, Гильомом де Рубруком, их последователями и историками, близкими к интересующей эпохе (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Тишкин, 1998, 2005). Имеющиеся письменные источники чрезвычайно мало сообщают о народах, проживавших на Алтае. Результаты археологических раскопок могут служить основой для осуществления этнокультурных реконструкций.

Попытку анализа погребального обряда, зафиксированного в памятниках Алтая XI–XIV вв. н.э., предпринял С.А. Ефремов (2002). С учетом типологии и хронологии основных категорий инвентаря выделенные группы объектов были соотнесены с известными этническими обозначениями средневековых племен: тюркские; древнехакасские; местные тюркизированные; кыпчакские; местные, воспринявшие культуру «пришельцев»; близкие к монгольским; местные, скорее всего, татарские (Ефремов, 2002, с. 104, 108).

Рассмотрение определенного опыта исследовательской интерпретации археологических материалов позволяет привести их в соответствие с

полученными в последние годы результатами. Археологические исследования, проведенные в разные годы на территории предгорно-равнинной зоны и горных районов Алтая, определенным образом связаны между собой. Открытия в одном регионе существенно влияли на процесс осмысления материалов, обнаруженных в другом месте изучаемой историко-культурной области. Это обстоятельство следует учитывать при изучении многих аспектов эпохи средневековья. Поэтому в диссертации кратко представлены имеющиеся результаты работ, осуществленных на материалах из предгорно-равнинной части Алтая. Такой подход позволил довольно четко разграничить близкие, но разные культурно-исторические области (Горный и Лесостепной Алтай; Западная и Южная Сибирь).

В XIII–XIV вв. н.э. на территории Лесостепного Алтая существовала общность со схожей материальной культурой из взаимно интегрированных компонентов (монгольский, кыпчакский, тюрко-самодийский), которая входила в состав Улуса Джучи – Золотой Орды. Было предложено ее археологическое наименование «кармацкая культура», рассчитанное на определенную перспективу (Тишкин, 2000; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Тишкин, Горбунов, 2002). В связи с этим встал вопрос о периодизации памятников Лесостепного Алтая монгольского времени. Определенное решение его уже предложено (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002).

Что касается Горного Алтая, то имеющиеся материалы пока не позволяют подробно рассматривать этнокультурную историю населения монгольского времени этого региона. Можно лишь отметить, что предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекратили свое существование. На их смену пришли новые. Они в свою очередь отличны от тех, которые зафиксированы в лесостепной зоне. По всей видимости, какая-то масса тюркского населения Горного Алтая была вовлечена в военно-политические мероприятия монгольских войск, другая же была ассимилирована, переселена или уничтожена. Так или иначе, но имеющиеся археологические материалы довольно отчетливо демонстрируют приход нового населения в XII в., а затем полное доминирование традиций кочевников из восточных районов Центральной Азии. Несмотря на то, что выделено два этапа в развитии новой общности со своими отличительными особенностями, название археологической культуры для Горного Алтая пока не обозначено (Тишкин, 1998, 2001; Тишкин, Горбунов, 1999, 2002, 2005). Первый период синхронизируется с процессом расселения найманов (около 1100 г.) и разгромом их монголами (1204 г.), а второй связан с завоеванием Саяно-Алтая (1207 г.), включением этой территории в Улус Великого хана (1227 г.) и затем в состав провинции Лин-Бей (1293 г.) империи Юань, которая пала в 1368 г.

В связи с тем, что в Горном Алтае было зафиксировано очень мало памятников монгольского времени, первоочередной задачей исследовательских направлений стала разработка автором методики поиска погребаль-

ных комплексов. Для этого привлекались этнографические материалы. При сравнении их с немногочисленными археологическими данными выявились закономерности в размещении и планиграфии могильников (Тишкин, 1998, 2005). Такое сопоставление позволяет использовать отмеченные признаки при проведении намеченных целенаправленных исследований.

Изученные памятники и охарактеризованные материалы позволили, как уже сказано, выделить два этапа. *Верх-еландинский* этап отражает сочетание разнокультурных элементов, а *усть-бийкенский* характеризует сложение единой культуры в степном поясе Евразии с определенными локальными особенностями отдельных территорий (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 163). Последнее обстоятельство четко проявляется при рассмотрении памятников монгольского времени Верхнего Приобья и Алтая. Немногочисленные погребения Горного Алтая датированы следующим образом. К XII в. (верх-еландинский этап) относятся памятники Верх-Еланда-I (к. №1 и 5 (впуск.)), Элекмонар-II (к. №17), Бичикту-Бом и Кудыргэ (к. №16, 38, 74, 76). Остальные объекты датируются XIII–XIV вв. (усть-бийкенский этап): Усть-Бийке-III (к. №1–3, 7), Кудыргэ (к. №14, 17, 19–21), Яконур (к. №1 (А, Д) и 2), Талдуаир-1 (к. №6 (впуск.)), Ак-Алаха (к. №1 (впуск.)), Бертек-20, Тожон. Отмечается ряд случайных находок монгольского времени. Все материалы, демонстрирующие развитие культуры монгольского времени, отражены на таблицах в приложении.

На Алтае радиоуглеродное датирование образцов из погребений монгольского времени не осуществлялось. Такая работа проводилась в Прибайкалье. Полученные результаты хорошо подтверждают археологические датировки и исторические сведения (Николаев, 2004). Данную возможность следует использовать при дальнейшем изучении интереснейшего периода средневековой истории Евразии.

В завершение данного параграфа обращено внимание на один из моментов, связанный со следующим периодом средневековой истории Алтая, о котором известно совсем немного. Археологических памятников XV–XVI вв. практически не обнаружено, нет и прямых письменных свидетельств. Отсутствие материальных и других источников пока не нашло объяснений в работах исследователей. Не исключено, что произошел очередной культурно-генетический «сбой», связанный с причинами военно-политического и социально-экономического характера. Одним из неблагоприятных факторов, который мог негативно сказаться на развитии народов, населявших Алтай в монгольское и постмонгольское время, являлось изменение климата (Тишкин, 2005, с. 320). Современные исследования свидетельствуют о похолодании, начавшемся во 2-й половине XIV в. и продолжавшемся с постепенным ухудшением до конца XVI в. (Галахов, Назаров, Харламова, 2005, с. 66). 1585–1700 гг. вообще отмечаются как «малый ледниковый период» (Михайлов, Редькин, 2000, с. 28; Малолетко, 2002).

Заключение

В настоящее время в отечественных исследованиях по археологии, с одной стороны, наметилась тенденция узкой специализации ученых, а с другой – появилась потребность проведения обобщений разного уровня. В первом случае для пристального изучения выбирается либо отдельная категория предметов, либо какой-нибудь период, либо специфическая сторона деятельности древних или средневековых обществ. В другом варианте в основном осуществляется сравнительная работа в рамках одной эпохи или времени, но на значительной по охвату территории. В данной диссертации впервые предпринята попытка создания сквозной культурно-хронологической концепции для изучения истории народов Алтая на протяжении более 2200 лет (от раннескифского до монгольского времени). Такая возможность представилась лишь благодаря проведению активных раскопок и обследований, которые осуществлялись во 2-й половине XX в. Наличие в нашем распоряжении разного количества источников по рассмотренным периодам, а также огромное число нерешенных проблем частного характера накладывало свой отпечаток на формулировки общего характера. Тем не менее полученные результаты создают прочную основу для дальнейшей систематизации материалов и интенсификации исследований.

Для реализации намеченной цели был проанализирован значительный по объему опыт создания периодизационных схем. В этом плане рассматривался процесс выработки многими поколениями зарубежных и отечественных исследователей методологических, прагматических и других подходов при структурировании истории человечества. Учет таких данных и отдельное рассмотрение системы создания культурно-хронологических схем в археологии обеспечили возможность для современного дискурса по вопросам упорядочения понятий и их отношений. В результате сформировалась, на наш взгляд, довольная логичная и всем понятная цепочка общих, частных и единичных обозначений исторического процесса, которые отражают характеристики хронологических рамок, базирующихся на традиционной евразийской системе (Древность, Средневековье, Новое, Новейшее время) и классической схеме «трех веков».

На выработанных методических и методологических подходах состоялось обобщение накопленных материалов по всем обозначенным периодам. В результате по принципу системного упорядочения оформилась и кратко охарактеризована следующая схема поэтапного развития выделенных культур Алтая.

Эпоха поздней древности

(ранний железный век; VIII в. до н.э. – V в. н.э.):

– раннескифское (аржано-майэмирское) время: **бийкенская культура** и ее этапы: куртуский (конец IX – 1-я половина VIII вв. до н.э.); семи-

сартский (2-я половина VIII – 1-я половина VII вв. до н.э.); бойтыгемский (2-я половина VII – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.);

– скифо-сакское (пазырыкское) время: **пазырыкская культура** и ее этапы: башадарский (2-я половина VI – 1-я половина V вв. до н.э.); кызыл-джарский (2-я половина V – 3-я четверть IV вв. до н.э.); шибинский (последняя четверть IV–III вв. до н.э.);

– «гунно-сарматское» (хуннско-сяньбийско-жужунское) время: **булан-кобинская культура** и ее этапы: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.); бело-бомский (II – 1-я половина IV в. н.э.); верх-уймонский (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.).

Эпоха раннего и развитого средневековья
(поздний железный век; VI–XIV вв. н.э.):

– тюркское время: **тюркская культура** и ее этапы: кызыл-ташский (2-половина V – 1-я половина VI вв. н.э.); кудыргинский (2-половина VI – 1-я половина VII вв. н.э.); катандинский (2-половина VII – 1-я половина VIII вв. н.э.); туэктинский (2-половина VIII – 1-я половина IX вв. н.э.); курайский (2-половина IX – 1-я половина X вв. н.э.); балтарганский (2-я половина X – XI вв. н.э.);

– кыргызское время: **кыргызская культура** и ее этапы: яконурский (2-я половина IX – 1-я половина X вв. н.э.); ак-ташский (2-я половина X–XI вв. н.э.);

– монгольское время: **культура монгольского времени** и ее этапы: верх-еландинский (XII в. н.э.); усть-бийкенский (XII–XIV вв. н.э.).

Основой реализации выделенных этапов стала систематизация и типология инвентаря из погребальных комплексов, содержавших наиболее массовый и представительный материал, отраженный в приложении диссертации. Изучение особенностей погребального обряда позволило выявить этнокультурные компоненты у населения, проживавшего на указанной территории в обозначенное время. Все выделенные хронологические группы соотнесены с известными историческими событиями, которые происходили в Евразии и отражены в различных письменных источниках. В результате в общем виде изложена этнокультурная история народов Алтая от раннескифского до монгольского времени, часть сведений которой размещена в приложении на картах-схемах.

Начиная с раннескифского времени, когда население уже владело навыками верховой езды на лошади, оформилось кочевое скотоводство. Такой тип хозяйства и подвижный образ жизни сформировали определенный быт (пища, одежда, жилища), своеобразный комплекс вещей, нормы и правила поведения, виды занятий, навыки, организацию труда, мировоззренческие представления. Отражение всего этого проявилось в реализации погребального обряда, частично дошедшего до нас в виде погребальных сооружений, останков умерших людей и инвентаря. Имен-

но носители аржано-майэмирской общности (бийкенская, майэмирская, тасмолинская, тагарская, алды-бельская культура) заложили основы для формирования кочевой цивилизации Южной Сибири и сопредельных территорий. К сожалению, прямых письменных свидетельств о них нет. Лишь косвенные данные позволяют определенным образом наметить причины этнокультурных изменений, миграций и контактов.

К середине VI в. до н.э. культура населения Алтая существовавшим образом меняется. Это связано с проникновением сакских племен, а также с приходом из Малой Азии сильной кочевой орды, подчинившей местные народы. В результате сложилась новая общность, получившая в археологии название «пазырыкская культура». С ее развитием можно связывать становление на Алтае племенного союза или предгосударственного образования. В это время в Верхнем Приобье существовало не менее мощное объединение, именуемое каменной культурой. Выявлено и другое культурно-историческое окружение пазырыкской культуры (саки, быстрянская, тагарская, саглынская культуры). Отмечены контакты с цивилизациями Ближнего Востока и Китая.

В 201 г. до н.э. в ходе военной экспансии державы Хунну произошло окончательное ослабление «пазырыкцев». Во II в. до н.э. на Алтай проникло новое население, которое сыграло главную роль в становлении булан-кобинской культуры. Для развития этой общности характерно сильное влияние таких хорошо известных кочевых империй, как Хуннская (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.), Сяньбийская (93–235 гг. н.э.) и Жужанская (359–552 гг. н.э.). В состав указанных государств территория Алтая входила в разные периоды. При этом осуществлялся постоянный приток новых групп населения, свидетельством чего являются фиксируемые археологами изменения в материальной культуре. В начале I тыс. н.э. булан-кобинскую культуру на сопредельных территориях окружали другие общности (кулайская, майминская, таштыкская, кокэльская).

В 460 г. н.э. жуань-жуани переселили из Восточного Туркестана на Алтай племя Ашина, которое сумело консолидировать вокруг себя булан-кобинские племена. В результате сложилась общность, известная в истории под самоназванием «тюрк» (тюрки). Развитие тюркской культуры привело к образованию державы кочевников – Великого (I) Тюркского каганата (552–604 гг.). Дальнейшая история населения Алтая связана с существованием таких государств, как I Восточнотюркский (604–650 гг.), II Восточнотюркский (682–744 гг.), Уйгурский (745–840 гг.) и Кыргызский (840 г. – XI в. н.э.) каганаты. В период с конца поздней древности и до развитого средневековья в Верхнем Приобье и на других сопредельных территориях активно происходили процессы этнокультурного взаимодействия.

На рубеже XI и XII вв. на земли Алтая расселяются племена найманов, проникших из Монголии, и кыпчаков. В 1207 г. их завоевывают

монголы. С этого времени формируются культуры, тесно связанные по своему облику сначала с государственной культурой Монгольской империи, а затем Юаньской империи и Золотой Орды. Период с конца XIV – начала XV вв. и далее до прихода русских является менее всего изученным и пока трудно говорить о процессах культурогенеза. Лишь накопление необходимых данных позволит заполнить существующую лакуну.

Представленные в диссертации обширные материалы теоретического, историографического и научно-практического характера, касающиеся создания культурно-хронологических схем и реконструкции этнокультурных ситуаций, позволяют представить историю древнего и средневекового населения Алтая. Изложенная периодизация является «рабочей» и отражает авторский опыт систематизации многочисленных данных. Дальнейшие исследования в этой области позволят уточнить ряд моментов, а также существенным образом наполнить содержание обозначенных этапов. Автор не исключает корректировку предложенной концепции. Это может произойти при накоплении новых материалов, при разработке новых методов или при смене парадигм.

Основные научные результаты диссертации опубликованы в следующих изданиях:

Монографии и учебные пособия:

1. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.: ил. (авт. вклад – 8,5 п.л.).
2. Тишкин А.А. Методика отбора проб для радиоуглеродного и дендрохронологического датирования: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 40 с.
3. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с. (авт. вклад – 7,7 п.л.).
4. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.: ил. (авт. вклад – 7,2 п.л.).
5. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с. (авт. вклад – 14 п.л.).
6. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 238 с. (авт. вклад – 9,1 п.л.).
7. Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: учеб.-метод. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с. (авт. вклад – 4 п.л.).

8. Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрТГУ, 2005. 312 с. (авт. вклад – 2,5 п.л.).

9. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с. (авт. вклад – 17,2 п.л.).

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

10. Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Технично-морфологические и этнокультурные особенности украшений конской амуниции раннесредневековых кочевников Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2003. С. 57–63 (авт. вклад – 0,4 п.л.).

11. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннуской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4. С. 94–102 (авт. вклад – 0,4 п.л.).

12. Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. 2006. №4. С. 111–115.

13. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40 (авт. вклад – 0,7 п.л.).

Статьи и материалы конференций:

14. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на средней Катуни // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1992. С. 125–130, 222–226 (авт. вклад. – 0,25 п.л.).

15. Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 124–127.

16. Тишкин А.А. К вопросу о возможности выделения контактных культур // Горный Алтай и Россия – 240 лет. Горно-Алтайск: Изд-во ГАИГИ, 1996. С. 26–28.

17. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–54.

18. Тишкин А.А. Начальный этап накопления сведений об археологических находках раннескифского времени на Алтае // Алтайский сборник. Барнаул: Алтай, 1997. Вып. XVIII. С. 241–250.

19. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 19–24 (авт. вклад – 0,25 п.л.).

20. Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 24–28 (авт. вклад – 0,25 п.л.).

21. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Признаки погребального обряда скифских памятников Средней Катуни // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 102–106 (авт. вклад – 0,1 п.л.).
22. Тишкин А.А. Погребальный обряд населения раннескифского времени Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тезисы докладов III Международной научной конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 131–132.
23. Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175 (авт. вклад – 0,25 п.л.).
24. Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической перспективе: Материалы Международной научной конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 179–182 (авт. вклад – 0,2 п.л.).
25. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической перспективе: Материалы Международной научной конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 262–266 (авт. вклад – 0,2 п.л.).
26. Тишкин А.А. Разработка методики поиска на Алтае погребальных комплексов монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI Международного научного семинара. Омск; СПб.: Изд-во Омск. ун-та, 1998. Ч. II. С. 101–103.
27. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. I. С. 581–591 (авт. вклад – 0,35 п.л.).
28. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Материалы Международной научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 70–75 (авт. вклад – 0,35 п.л.).
29. Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Материалы Международной научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 184–190.
30. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раскопки на Алтае // Археологические открытия 1997 года. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 316–318 (авт. вклад – 0,1 п.л.).
31. Ткачев А.А., Тишкин А.А. Курганы раннескифского времени на могильнике Герасимовка в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и

- сопредельных территорий: Материалы Международной научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 194–198 (авт. вклад – 0,25 п.л.).
32. Тишкин А.А. Изучение М.П. Грязновым памятников монгольского времени на Алтае // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2000. С. 108–110.
33. Тишкин А.А. Проблемы изучения культуры населения монгольского времени лесостепной зоны Алтая // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнология: Материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 169–173.
34. Тишкин А.А. Изучение археологических памятников монгольского времени на Алтае // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 82–84.
35. Тур С.С., Тишкин А.А. К вопросу о происхождении северных алтайцев и шорцев // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы IX Международного научного семинара. Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 185–188 (авт. вклад – 0,15 п.л.).
36. Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы: Материалы V симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 43–46 (авт. вклад – 0,15 п.л.).
37. Тишкин А.А. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 143–149.
38. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91 (авт. вклад – 0,5 п.л.).
39. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Средневековые воины Алтая // Природа. 2002. №9. С. 71–78 (авт. вклад. – 0,4 п.л.).
40. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 456–461 (авт. вклад – 0,2).
41. Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. II. С. 164–166.
42. Тишкин А.А. Культурно-хронологические схемы как отражение основных этапов освоения Алтая и сопредельных территорий // Историче-

ский опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 203–209.

43. Тишкин А.А. Археологические, изобразительные и письменные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы XI Международного научного семинара. Омск: Наука-Омск, 2003. С. 125–128.

44. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 488–493 (авт. вклад – 0,2 п.л.).

45. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №10. С. 107–117 (авт. вклад – 0,6 п.л.).

46. Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. II. С. 166–168 (авт. вклад – 0,25 п.л.).

47. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 494–497 (авт. вклад – 0,2 п.л.).

48. Тишкин А.А. Особенности этнокультурного развития населения Алтая в монгольское время // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 122–128.

49. Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 296–300.

50. Тишкин А.А. Создание схем исторического развития древних и средневековых народов Алтая // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 32–37.

51. Тишкин А.А. Опыт изучения на Алтае археологических микрорайонов // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 89–93.

52. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Безынварные погребения эпохи средневековья в Восточном Казахстане // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы XII Международного научного семинара. Алматы; Омск: Издательский дом «Наука», 2004. С. 274–276 (авт. вклад – 0,15 п.л.).

53. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 93–97 (авт. вклад – 0,2 п.л.).
54. Горбунова Т.Г., Тишкин А.А. Методика системного изучения археологических источников // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 11–18 (авт. вклад – 0,25 п.л.).
55. Тишкин А.А. Результаты и перспективы междисциплинарного изучения крупных археологических комплексов Алтая // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 196–200.
56. Тишкин А.А. Об использовании естественно-научных методов при археологических исследованиях: некоторые сведения о радиоуглеродном методе и рекомендации по отбору проб // Методика археологических исследований Западной Сибири. Омск: Фаворит, 2005. С. 202–219.
57. Тишкин А.А. Проблемы выделения керамического комплекса раннескифского времени в Горном Алтае // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. Т. 2. С. 169–178.
58. Тишкин А.А. Материалы к изучению социогенеза населения Горного Алтая монгольского времени // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 317–222.
59. Тишкин А.А. Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов ее развития // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 322–327.
60. Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннуского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности: Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.
61. Тишкин А.А. Об одном моменте в изучении культуры кочевников Горного Алтая раннескифского времени // Древние кочевники Центральной Азии (история культура, наследие): Материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 102–104.
62. Тишкин А.А. Элита кочевых обществ Алтая скифской эпохи и проблемы их изучения // Древние кочевники Центральной Азии (история культура, наследие): Материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 105–107.
63. Тишкин А.А. Роль С.В. Киселева в создании культурно-хронологических схем истории Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Материалы Международной научной конференции. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 255–257.
64. Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археоло-

гических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. Кн. 2. С. 43–56.

65. Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул, Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 195–201.

66. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 327–333 (авт. вклад – 0,3 п.л.).

67. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс снаряжения рядового кочевника Горного Алтая в монгольское время (по материалам памятника Усть-Бийке-III) // Древние кочевники Центральной Азии (история культуры, наследие): Материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 41–44 (авт. вклад – 0,2 п.л.).

68. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Снаряжение кочевников как этнокультурный и хронологический показатель // Снаряжение кочевников Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 6–10 (авт. вклад. 0,1 п.л.)

69. Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов буланкобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул, Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 118–122 (авт. вклад. 0,15 п.л.)

70. Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Системный подход при изучении археологических находок // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия): Материалы Международной научной конференции. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 227–229 (авт. вклад – 0,1 п.л.).

71. Тишкин П.К., Дашковский П.К. Этнокультурная ситуация на Алтае в скифскую эпоху // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М.: Изд-во ИА РАН, 2005. С. 248–267 (авт. вклад – 0,75 п.л.).

72. Тишкин А.А., Дашковский П.К. О государственности «пазырыкцев» // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 50–59 (авт. вклад. – 0,5 п.л.).

73. Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры Алтая: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. С. 279–294 (авт. вклад – 1,5 п.л.).

74. Tishkin A.A. “Double Best Specimens” in Ancient and Medieval Societies of Eurasia: Prospects for Study of the Phenomenon Basing of Archaeological Evidence // Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Abstract. Moscow, 2006. P. 146–147.

Подписано в печать 18.09.2006
Усл. печ. л. 3,0. Формат 60×90/16.
Заказ 335. Тираж 100 экз.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, Димитрова, 66